

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин

«КТО ЭТО СЕРАЯ СОВА?»

Мое знакомство с Серой Совой книжное, но книга Серой Совы, по которой я с ним познакомился, взята целиком из его жизни это жизнь потомка одного из самых воинственных племен индейцев Северной Америки.

Когда-то, еще мальчиком, я не в шутку пытался убежать к индейцам.

Не удалось мне тогда побывать у индейцев. А вот теперь – счастье какое! – моя книга приводит прямо как бы в мою комнату тех самых индейцев, к которым в детстве своем пытался я убежать.

Получив книгу Серой Совы на английском языке, я дословно ее перевел, но такой перевод, как огромное большинство переводов, не был языком самого автора. И мне показалось, что будет гораздо лучше, если я своим языком свободно расскажу русским читателям о жизни и приключениях Серой Совы в его поисках страны непуганых птиц и зверей.

Мне нравится в этой книге прежде всего совершенная искренность рассказа о себе и правдивость в изображении животных.

Рассказ Серой Совы о жизни бобров имеет как бы два лица, или героя одно лицо – это бобры, как они есть, без очеловечивания; другое лицо – это сам человек, ухаживающий за животными, Серая Сова. Такое параллельное изображение человека и животного я давно считал верным приемом изображения животных, пользовался им постоянно. Но Серая Сова вовсе и не думал о каком-нибудь художественном приеме, он просто описал свою жизнь канадского охотника за бобрами. Эта жизнь начинается описанием гибнущих от спекуляции канадских лесов, истребления последних остатков когда-то священного для индейца животного – бобра – и кончается сознательной охраной и разведением бобров. Параллельно с описанием жизни бобров перед нами проходит жизнь автора – от носильщика, лодочника, пушника-зверолова до видного сотрудника канадского заповедника и прославленного, переведенного на все языки писателя-анималиста. [1]

Мне, русскому читателю, особенно близко это страстное чувство охотника-индейца, эта неуемная тяга узнать, изведать, что там, «За горами», как говорит индеец, и, как у нас говорят, – «за синими морями».

Я лично еще захватил немного из того времени, когда гимназисты, под влиянием чтения романов Густава Эмара, [2] пытались всюду бежать из гимназий к индейцам.

Свой побег из гимназии я считаю определяющим мою биографию, мое вечное странствование, охоту и писательство.

На почве этого чувства у нас много выросло замечательных ученых, из которых достаточно назвать одного Пржевальского. [3]

И я не раз пытался рассказать о своих странствованиях туда, куда-то в страну непуганых птиц, а теперь вот оттуда, из той самой страны, куда я еще мальчиком хотел убежать, сам индеец, потомок прославленного воинственного племени, пишет, что он там, в той стране, пережил.

Серая Сова, прозванный так своими сородичами за ночной образ жизни, был не совсем индейцем по крови он был сыном одного служащего в Канаде англичанина, который женился на чистокровной ирокезке и до того близко принял к сердцу несправедливости, чинимые до сих пор белыми в отношении краснокожих, что отказался от службы и, по-видимому, жил бедняком.

Сын его, Серая Сова, целиком воспринял лесной образ жизни своих сородичей – краснокожих охотников он ставил свои ловушки на пушных зверей в лесах, был носильщиком, проводником, лодочником. Во время войны он был призван в европейскую армию, был снайпером в европейской войне, повидал «белый свет», был даже два раза ранен и возвратился обратно в свои канадские леса – по-прежнему заниматься охотой на пушных зверей и этим добывать себе средства существования.

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Европейская цивилизация наградила молодого человека ранами, а у себя, в родимых северных лесах, он застал полное опустошение: леса изуродованы, зверь истреблен. Можно бы в таком положении впасть в отчаяние, но вера охотника, что там где-то, за горами, должна быть блаженная страна с нетронутыми лесами, населенная зверем и птицей, поддержала энергию молодого человека. Книга и начинается с того, как он на своем каное отправляется искать за тысячи миль эту блаженную, не тронутую топором человека страну.

«ОХОТА ЗА СЧАСТЬЕМ»

Путешествие начинается от маленького городка северной Канады, где с давних времен Серая Сова продавал свою пушнину, добываемую им в окрестных лесах. Собственно говоря, весь этот город состоял из единственной лавки «Компании Гудзонова залива» и лесопилки; еще было тут разбросано беспорядочно по горному склону около пятидесяти домиков, и в стороне стоял индейский лагерь. В этом городе, Биско, не было ни обычных городских улиц, ни палисадников. Несмотря на это, Биско довольно известный городок, потому что он занял положение в центре многоводных рек, из которых можно назвать хотя бы только Испанскую и Белую, Миссисогу и Маттавгами. Из этого городка открывалось множество путей на юг – к Гуронскому озеру и Верхнему, а также и на север – к Ледовитому океану. Далеко вокруг гремела слава местных лодочников и проводников. И еще так недавно район Альгама в провинции Онтарио считался богатейшим пушным местом во всей северной Канаде. Но вскоре после того, как в этот богатейший край нахлынули так называемые «странствующие охотники за пушминой», или, попросту говоря, охотники за длинным рублем, край опустел, и звери почти совершенно исчезли.

Городок Биско, конечно, падал, но как бы то ни было, этот городок был почти что отечеством нашему герою, Серой Сова, проведшему большую часть своей жизни среди необъятных лесов, с проникающими в глубину их на сотни миль водными путями. Два раза в году из недр этих водно-лесных дебрей Серая Сова прибывал на своем послушном каное в Биско, продавал свою пушнину, закупал продукты питания и опять уплывал обратно в родные леса.

Ну, теперь все кончено. Прощайте, белые и краснокожие друзья! Серая Сова уплывает далеко, в страну непуганых птиц и зверей. Тяжело было у него на душе, но он не один покидал в этот день свою охотничью родину Опустошенную, разграбленную местность покидали и другие охотники, но только Серой Сова на его пути в страну непуганых птиц не досталось ни одного товарища: все они устремились в даль Миссисоги, к ее еловым скалам и кленовым хребтам.

С невеселыми думами весенним вечером, в полном одиночестве, Серая Сова покинул родимый городок. С каждым ударом весла легкое каное уносило его все дальше и дальше по пути к неведомому счастью. Около девятнадцати километров так он плыл, под песню воды при мерных ударах весла, и прибыл к первому волоку. Шесть с половиной километров волока – это порядочное расстояние, если принять во внимание, что и багаж и каное надо тащить на себе. Но земля под ногами была довольно ровная, хорошо освещенная полнолунием. Закаленному лесной трудной жизнью индейцу не страшен был этот путь, – напротив, работа выгнала из его головы невеселые думы. Все сразу унести было невозможно, пришлось отнести и вернуться за второй половиной; так что, в общем, сделалось из шести с половиной километров волока тринадцать с тяжестью и шесть с половиной – без всего. Пожалуй, что такая работка у каждого выбьет из головы лишние мысли! Вскоре после восхода солнца работа была окончена, искатель счастья спал до полудня и потом продолжал свой путь в каное.

Далеко впереди была желанная страна, вокруг же все были знакомые, исхоженные вдоль и поперек когда-то богатые охотничьи угодья. Лесной пожар пронесся по всей этой местности и оставил после себя совершенную пустыню, с оголенными скалами и обгорелыми стволами, – вот невеселое зрелище! И Серая Сова все спешил и спешил отсюда вперед, на северо-восток, в район Абитиби в северном Квебеке, где, как сказывали, местность была мало обжита и очень редко заселена индейцами из племени Отшибва.

Как много было исхожено мест в поисках пушного зверя! Большая часть пути в страну непуганых зверей лежала по исхоженным и теперь едва узнаваемым местам. Везде были железнодорожные рельсы, проложенные на пожарищах, везде опустошение и разрушение. На людей и смотреть не хотелось: то были лесорубы из местных лесных людей, опустившихся, грязных и нечесаных. Эти люди прозябали в своих «каменных дворах», собирая ежегодно два «урожая»: один снегом, другой камнями. Невероятная

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
была перемена! Беспокойство забиралось в душу; путешественник невольно задавал себе вопрос: «Что же дальше-то будет?»

И дальше все новые и новые разочарования. Да, не так-то легок путь в страну непуганых зверей! Вот старый, так хорошо знакомый когда-то форт Маттавгами. Теперь он совершенно затоплен, и от него осталась только на сухой вершине целиком залитого холма малюсенькая миссионерская церковь. Прямо к лесенке паперти подплыл Серая Сова и тут устроился обедать. На другом берегу виднелся торговый пост, холодное и неприятное строение. Пообедав, Серая Сова проплыл мимо него, не завертывая, по крайней мере в расстоянии сот восьми метров.

Попадались в пути иногда знакомые люди и рассказывали Серой Сове о его прежних друзьях и товарищах убийственно печальные истории. Вот старый мельник из того же затопленного Маттавгами: так и не мог старик вновь подняться, жил на ренте «Компании Гудзонова залива» и все горевал о своей мельнице и все горевал. А старые друзья и товарищи, лодочники, носильщики, проводники – «индейская летучая почта», – в каком положении они теперь все были! Вот Мак Леод с озера Эльбоген, – какая печальная судьба: повредил себе при гребле бедро, потом гангрена докончила дело, пришлось охотнику отнять ногу. Никто не мог его утешить, и он умер с проклятиями и ругательствами. Умер также и знаменитый старый охотник, почти символ индейской страны, старый Джон Буффало с реки Монреаль. И так было почти со всеми друзьями: одного гангрена, другого ревматизм выгнали из лесу и заставили прозябать всю жизнь в городишке. Подумать только! Великий, такой великий мастер охоты, как Анди Люке, которому нести на себе четыреста фунтов было детской игрой, служил теперь поденщиком на железной дороге! Великий Алек Лангевин, которому пробежать на лыжах какие-нибудь восемьдесят километров вовсе ничего не значило, вынужден был отправиться в Квебек за куницами. И Серая Сова встретил его с пустыми руками на обратном пути. А то вот еще Томми Савилле, белый индеец, принятый родом Отшибва еще в детстве: во время золотой лихорадки он сумел нажить себе целое состояние и тут же прожить, – теперь он жил где-то в городе, пожираемый тоской по свободным лесам. Говорят, иногда тоска по лесам до того его доводила, что он спускался в подвал дома, из щепочек устраивал маленький костер, варил себе чай и переживал тут, в каменном подвале, очарование былой лесной охоты.

Все это значило, конечно, что вся лесная вольная пустыня рушилась, и оставалась от нее только мечта, будто не здесь, а вдали все-таки где-то еще сохраняется в нетронутом виде страна непуганых птиц и зверей.

Но и дальше все было не лучше даже в таких, когда-то богатейших местах, как Шайнинтри и Гаваганда. В прежнее время, когда эти местности еще не пересекались вдоль и поперек железнодорожными путями и буржуазный прогресс не смешал еще всех в одну кучу, в людях тут сохранялся хороший лесной закал. Никакая сила бывало не могла у этих людей отнять надежду на лучшую жизнь, на то, что рано или поздно найдется для них какая-нибудь богатейшая золотиносная жила. Теперь вся эта местность возле Гавагандского озера была выжжена, и на месте лесов торчали голые камни скалы.

Так изо дня в день, продвигаясь вперед, проехал в своем каноэ Серая Сова не больше, не меньше как шестьсот пятьдесят километров и достиг города на железной дороге Темискаминг – Онтарио. Бывал он здесь и раньше, еще в то время, когда тут был только пограничный пост. Тогда еще, до железных дорог, здесь, в девственной стране, разные любители спорта удовлетворяли охотой свою страсть к приключениям. Тогда Серая Сова и подобные ему индейцы служили этим людям проводниками. И когда приходила зима и проводники оставались одни, было весело вспоминать летние приключения и показывать друг другу дружеские письма «господ». Так было всего тому назад лишь пятнадцать лет, и за этот срок пограничный пост превратился в шумное гнездо туристов с автомобильным шоссе. В этом гнезде как раз к прибытию Серой Совы одно нью-йоркское общество искало себе проводника. Серая Сова взял это место. То были все веселые люди, вели себя по-приятельски, как это всегда у американцев бывает во время отпуска. И все-таки теперь между ними и проводниками был какой-то фальшивый тон. Раньше проводники были товарищами и соучастниками, теперь проводники – это слуги, лакеи и прихлебатели. И до того даже доходило, что господ надо было обслуживать в белых перчатках! Кто привык жить по старине, тот, глядя на эти новые порядки, только покачивал головой, но сам-то поступал, как все. И что поделаешь! Если не стало в лесу пушного зверя, человек должен как-нибудь жить.

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Поглядев на эти новые порядки, Серая Сова уложил присланные сюда почтой свои вещи и направил их дальше, еще на четыреста девяносто километров вперед. Пополнив тут свои пищевые запасы, он поплыл в своем каное, разочарованный и возмущенный. Воспоминания о прежних лесных охотах оставались воспоминаниями, а на леса вокруг и смотреть не хотелось.

«СВАДЬБА СЕРОЙ СОВЫ»

Пустыня лесная отступала, надо было ее догонять, и Серая Сова, пересылая с места на место свои вещи, пополняя в более крупных местечках свои запасы, плыл все дальше и дальше. Только осенью останавливал он свое продвижение и ставил ловушки где попало. Так прошло целых два года, и так проехал он три тысячи двести тридцать километров в своем каное. Двигаться дальше становилось все трудней и трудней из-за того, что прямой путь пересекался встречными потоками. Чаще и чаще приходилось с одного водного пути на другой перетаскивать вещи и каное волоком. Так замучился на этих волоках Серая Сова, что, к стыду своему, последнюю часть пути должен был проехать по железной дороге. Впрочем, едва ли индеец, верный сын лесной пустыни, сел бы на поезд, если бы для этого не было причины более серьезной, чем простое физическое утомление. Дело в том, что Серой Сове понадобилось во что бы то ни стало с кем-то обмениваться письмами. Первая встреча со своим корреспондентом у Серой Совы произошла в одном курортном местечке, где год тому назад он служил проводником. Там жила одна милая, способная и даже относительно образованная девушка-индианка, ирокезского племени. Может быть, она стояла в общественном своем положении ступенькой выше Серой Совы, но, тем не менее, как ему казалось, унывать вовсе не стоило. И он стал за ней решительно ухаживать. И правда, дело пошло без всяких интермедий. Попросту говоря, Серая Сова, доехав в своем каное до определенного пункта с железнодорожной станцией, купил тут своей невесте, как раньше уговорились, билет, послал ей, она приехала и вышла за него замуж.

Вот и вся свадьба Серой Совы!

Молодожены во многих отношениях представляли собой полную противоположность друг другу. Серая Сова рос у своей тетки, англичанки, и тут у него, кроме некоторого интереса к географии, истории и английскому языку, особенных каких-нибудь дарований не открывалось. Серая Сова, впрочем, совсем даже не плохо занимался английским языком. Но, к сожалению, уже в ранней юности он остался на собственном лесном иждивении и большую часть своего времени или молчал или говорил с такими людьми, которые вовсе не знали английского. Только замечательная память да, пожалуй, необычайная жажда чтения еле-еле поддерживали зажженный когда-то в детстве огонек интереса к языку. Английский язык у Серой Совы был как новый костюм, который надевают лишь в парадные дни и чувствуют в нем себя очень неловко. Так себя вообще и держал Серая Сова в обществе, чуть что покажется ему обидным, он смолкает и затаивается в глубине себя, как бы опасаясь расстаться со своей личной свободой. Эта черта в характере Серой Совы особенно усилилась во время военной службы. Такого рода люди, как Серая Сова, редко встречаются в романах. Ни малейшего интереса он не имел к достижению офицерского звания во время войны. Ни малейшей охоты не имел к чинам. Рядовым он вступил в армию и рядовым ушел из нее вследствие ранения, чтобы опять таким же, как был, вернуться в родные леса. Служба снайпером не могла переменить его убеждений в отношении белых господ в лучшую сторону, – напротив, в нем еще более окрепло индейское убеждение в том, что капиталистическая цивилизация людям хорошего не может дать ничего. Да и что, в самом деле, мог получить для себя в европейской войне представитель угнетаемой и даже истребляемой народности?

Не нужно только смешивать нашего Серого Сову с настоящими пессимистами. Не могло создаться такого тяжелого положения, в котором бы этого индейца могла покинуть охотничья вера, что где-то там, за горами, есть страна непуганых птиц и зверей. И ничто не могло остановить его в стремлении узнать, повидать своими глазами новый, особенный мир где-то там, за горами.

Гертруда, жена Серой Совы, или, как он звал ее по-индейски, Анахарео (что значит «пони»), не была очень образованна, но она обладала в высокой степени благородным сердцем. Происходила она от ирокезских вождей. Отец ее был один из тех, которые создавали историю Оттавы. [4]

Анахарео принадлежала к гордой расе и умела отлично держаться в обществе, была искусной танцовщицей, носила хорошие платья. Ухаживая за такой девушкой, Серая Сова тоже подтягивался. У него были длинные, заплетенные в косы волосы, на

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
штанах из оленьей кожи была длинная бахрома, и шарф свешивался сзади в виде хвостика. На груди как украшение было заколото в порядке рядов направо и налево множество английских булавок. И почему бы, казалось, Серой Сове не украшать себя булавками, которые в то же самое время могли быть очень полезными: днем как украшение, ночью же при помощи их можно развешивать и просушивать свою одежду. К этому внешнему облику Серой Совы надо еще прибавить, что у него было много закоренелых, не совсем салонных привычек. На воде, во время гребли, он никак не мог разговаривать, а на суше, в лесу, до того привык ходить по тропам гуськом, что если шел рядом с человеком по улице, непременно его так или иначе подталкивал. Месяц, проведенный молодыми на охоте в лесу, был наполнен прелестными и разнообразными приключениями.

Скоро в лесу на охоте оказалось, что Анахарео владела топором ничуть не хуже, чем Серая Сова. И можно было любоваться устройством ее походной палатки. Несмотря на то, что в то время еще очень косо глядели на женщину в мужском костюме, Анахарео стала ходить в удобных мужских штанах, носила высокие охотничьи сапоги и макинанскую рубашку. К свадьбе Серая Сова купил ей несколько метров саржи или чего-то вроде этого, но когда увидел ее на охоте, то подумал, что не материя бы ей надо было покупать, а топор или оружие. Увидев подарок, Анахарео развернула материя, взяла ножницы, карандаш и принялась тут же что-то кроить. Боязливо, со стесненным сердцем смотрел Серая Сова, как гибла хорошая и дорогая материя. Но сравнительно в очень короткое время жалкая куча лоскутков превратилась в безупречные и даже прямо элегантные брюки-бриджи. Конечно, на чисто мужской работе ей многого не хватало, но уж по части портновской она оказалась мастерицей прекрасной.

Ее приданое состояло из большого сундука с платьями, мешка с бельем, одной огромнейшей книги под заглавием «Сила воли» и пяти маленьких зачитанных тетрадей «Письмовника» Ирвинга, захваченных нечаянно вместо руководства домашней хозяйки. Кроме того, в этом приданом была еще превосходная фетровая шляпа, которую Серая Сова присвоил себе и в особенных случаях носит ее и до сих пор «Письмовник» Ирвинга, захваченный, как сказано, совершенно случайно, принадлежал сестре Анахарео, муж которой имел слабость к писательству. Лесные супруги собирались при первой возможности отослать эти тетрадки, но так и не собрались и, как будет ниже рассказано, хорошо сделали.

Временами Анахарео очень и очень тосковала, но виду никогда не показывала. Только раз она было попросила своего мужа купить ей радиоприемник. Но Серая Сова в то время разделял тот предрассудок, что будто бы электрические токи, пробегающие в атмосфере, влияли на погоду. И ему было неловко от мысли, что где-нибудь в Монреале или Лос-Анджелесе поет какой-то юноша, а в лесу из-за этого какому-нибудь достойному рабочему человеку бывает невозможно на лыжах идти. Вот почему Серая Сова с большим тактом отклонял всякую мысль, всякий разговор о радиоприемнике. Вместо этого у них было постоянное развлечение – смотреть в единственное окошко хижины и каждый день провожать солнце: это было всегда прекрасно! Много шутили за едой. Вставали до восхода солнца, а то даже целые ночи проводили в лесу. За санками, лыжами, каноэ ухаживали, как за кровными рысаками, и маленькая женщина часто должна была пропускать обеденное время. Мало-помалу она стала ревновать Серую Сову к лесу. А он все шептал ей о каком-то лесном участке, населенном бесчисленными куницами, и поискам этого заповедного края непуганых зверей отдавал все свое свободное время Анахарео начала ненавидеть этот край непуганых птиц и зверей. А Серая Сова в своем ослеплении вообще в ней не замечал никаких перемен.

Так они ели, спали, видели во сне все те же ловушки, охотились; вечерами, склонившись над картой, обдумывали новые пути или делали приготовления к новым странствованиям. Работа поглощала все время Серой Совы, так что ни о чем другом не могло быть и речи. Охота была религией Серой Совы, и, как всякий фанатик, он стремился навязать свою веру другому.

«ПЕРЕВОРОТ»

Жизнь в напряженном труде, вечные отлучки из дому, вызываемые охотничьей профессией, не давали возможности сглаживать неровности семейной жизни интимными объяснениями, – до того ли уж тут! Такая была спешка, такая гонка с установкой и осмотром ловушек в осенний и предзимний сезон, – язык высунешь. И вот однажды перед самым рождением, вернувшись домой после кратковременной отлучки, Серая Сова увидел свою гордую индейку в жалком виде: растрепанная, лежала Анахарео в кровати, с глазами, опухшими от слез. Вот тогда-то мало-помалу и стала

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru показывать во всех подробностях сокровенная жизнь. Вначале муж никак не мог понять, в чем тут дело. Казалось, ведь так же все отлично шло! Не был же он вовсе никогда тем равнодушным и невнимательным супругом, как это бывает у индейцев, совсем даже нет: он так уважал, так ценил свою жену, так ею восхищался! Да и как не уважать, как не восхищаться такой женщиной среди таких невозможных лишений?!

– Уважение! – получил в ответ Серая Сова. – Но ведь это больше всего относится к покойникам. Восхищение! Какой толк из этого? Можно восхищаться спектаклем. А где же тут сам живой человек?

И в конце концов.

– Мы живем, как упряжные собаки греем печку, равнодушно пожираем свою пищу.

С великим изумлением теперь выслушивал Серая Сова горькие жалобы на отсутствие чопорной церемонии во время еды той самой женщины, которая могла с улыбкой на лице спать под дождем на открытом воздухе.

– А дальше, а дальше–то что!

– Вечные мечты и думы над тем, где бы получше и побольше можно было наставить ловушек. А после того, как это удастся, мы еще и хвастаемся: «Мы набили, намучили больше других!»

Последним обвинением Серая Сова был огорчен и возмущен.

«Чем же я–то виноват? – думал он. – Ведь я же старался просто заработать для нашего существования, а то как же иначе? Вот сейчас падает цена на мех, значит, надо убивать все больше и больше для добывания средств. При чем же тут я?»

И тем не менее Серая Сова, несмотря на все свои совершенно правильные рассуждения, чувствовал, что какая–то непрошенная правда мерцала в ее жалобах.

Несколько задетый, в замешательстве, но совсем не рассерженный, выслушал все это Серая Сова и отправился из дому на свой любимый холм. Там он развел костер, сидел, курил, раздумывал о всем случившемся, привычной рукой снимая шкурку с убитой куницы. В то самое глубоко раздумье погрузился он и переживал ту самую борьбу с собой, какую до сих пор в своем одиночестве переживала Анахарео. И он постарался тут сам с собой довести спор свой с ней до конца.

И вот внезапно, как при свете молнии, увидел он весь свой эгоизм, развившийся во время скитаний. Стало понятно, как узка была дорожка, по которой он шел. Уважение, внимание, восхищение! Да ведь это были только крохи от его настоящих переживаний. И эти крохи он подносил женщине, вручившей ему свое сердце!

Поняв это все, Серая Сова отбросил всю свою мужскую самоуверенность и свои мужские права и на лыжах узкой горной тропой ринулся вниз, к лагерю.

«Не опоздать бы! Вот только бы не опоздать!»

В этот знаменательный вечер, когда Серая Сова впервые только глубоко заглянул в себя, и начинается его медленное внутреннее продвижение в действительную страну непуганых птиц и зверей, в ту страну, которую создает человек своим творчеством, а не в ту, о которой он только мечтает по–детски. В этот вечер зародился тот самый переворот, который потом переменял всю его жизнь.

«ОХОТА ЗА БОБРАМИ»

Не нужно думать, что душевный переворот у охотника на бобров произошел внезапно: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Да если и случаются иногда под давлением обстоятельств такие внезапные перемены, то это бывает обыкновенно на короткое время. Нет, в этом случае речь идет о перевороте как длительном процессе чередующихся умственных сдвигов, самоанализа, порывов вперед, возвращения к исходным позициям и опять вперед, к новым достижениям. Такой переворот требует самодисциплины и, само собой, сразу совершиться не может.

Во всяком случае, грозные тучи, висевшие над семейной жизнью Серой Сова, в тот знаменательный вечер совершенно рассеялись. Супруги по–прежнему усердно работали

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru на промысле, но зато уж когда возвращались домой, то прекращали всякий разговор о своей профессии. У них даже появилась потребность в домашнем уюте, хижину свою они стали украшать и разговоры вели о таких вещах, о каких раньше и помину не было. Если же днем, смотря по ходу промысла, нужно было расходиться в разные стороны, то обоим тянуло поскорее снова сойтись. Бывало при лыжных пробегах путь раздваивался, – тогда тот, кто первый выходил на общий путь, писал на снегу шаловливые послания. Так мало-помалу счастье снова вернулось, и Анахарео стала такой же деятельной и жизнерадостной, какой была раньше. Вот только для Серой Совы полученный им жизненный урок не прошел даром и привел в конце концов к самым невероятным последствиям.

Анахарео при новом отношении к ней мужа стала неизменно сопровождать его во всех охотничьих предприятиях. И хотя охотой она занялась по-настоящему только теперь, в эту последнюю зиму, но, тем не менее, быстро овладела техникой, научилась отлично расставлять ловушки и следить за ними. Часто она даже первая прокладывала лыжный след и пользы приносила Серой Сове даже больше, чем в прежнее время его компаньоны-охотники. Но сильная и закаленная женщина, работая на промыслах, не закрывала себе глаза на жестокости своей новой профессии. Глубокое сострадание вызывал у нее вид очолевших, искаженных предсмертной агонией, скорченных мертвых существ, или зрелище добывания животных рукояткой топора, или удушение животных, умирающих с мольбой в глазах, и после того – новые и новые ловушки для новых жертв. Хуже всего было, что в ловушки случайно попадало множество ненужных птиц и белок, и часто при осмотре они были еще живы, некоторые кричали или слабо стонали в мучениях. И вот странно! Животные как будто отгадывали, что делалось в душе Анахарео, и в последней своей борьбе за жизнь всегда обращались к милосердию женщины; так, особенно ярко выделяется случай с рысью, которая, умирая, подползла к ее ногам.

Все эти случаи делали Анахарео глубоко несчастной. И не раз Серая Сова дивился, как это кровная индейка не могла привыкнуть к смерти животных, убиваемых для существования человека.

Серая Сова, как и все подобного рода бродяги по обширным и безмолвным пространствам лесной страны, всегда был склонен наделять животных личными свойствами. В глубине души благодаря этому он, конечно, должен был иметь к животным какое-то чувство сострадания. Но от этого человеческого чувства самим животным не было легче. Да и как это можно было думать о каком-нибудь милосердии в условиях крайней нужды, вечной задолженности у промышленника-пушника! Единственное, что можно было спрашивать с охотника, – это чтобы он не мучил животных зря, не убивал без нужды.

И не будь Анахарео, Серая Сова так бы и оставался в пределах обычной этики канадского охотника и не стал бы беспокоить себя лишними мыслями. Но необходимость считаться с душой своего товарища заставила его вылезть из своей скорлупы и открыть глаза на мир непривычных явлений. И оттого, действительно, он стал обращать внимание на такие вещи, которые при одном только голом стремлении к наживе должны были бы от него ускользать. Мало-помалу Серая Сова благодаря этим новым мыслям начал чувствовать некоторое отвращение к своему кровавому делу.

Конечно, нельзя сказать, что душа охотника была жестокой и все перерождение Серой Совы совершилось исключительно под влиянием милосердия женщины. Далее и в те дни суеверного прошлого, когда Серая Сова еще верил, что будто бы радиоволны как-то влияют в дурную сторону на климат, в отношении к животным он не лишен был некоторого чувства справедливости, еще не осознанного и проявлявшегося в странном виде. Тут не обошлось, конечно, без влияния предков-индейцев, этих примитивных фантастов. Унаследованные от них правила, доходившие до чистого суеверия, Серая Сова с юности своей выполнял, не жалея ни времени, ни труда. Со стороны едва ли можно относиться к этим обрядам сколько-нибудь серьезно, однако для Серой Совы эти ритуальные торжества значили очень много. Ни одного медведя не убивал он без того, чтобы какая-нибудь часть его тела – обыкновенно череп или лопатка – не подвешивалась где-нибудь на видном месте в районе его обитания. Тело ободранного бобра устраивалось в удобном положении, и рядом складывались отрезанные «руки», ноги и хвост. Когда было возможно, тело со всеми указанными частями спускалось в воду через прорубь, часто с трудом проделанную во льду. Если случалось употреблять бобра в пищу, то его коленную чашечку, столь необычную для животных, отделяли и предавали ритуальному сожжению. Все эти обряды выполнялись не только полудицивицизованными индейцами, но даже и

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru относительно развитыми. И если бы кто-нибудь спросил о причине этих обрядов, ему бы ответили: «Озаам тапскохе аницинабе магуин», то есть: «Потому, что они так сильно похожи на индейцев».

К этим обычаям предков Серая Сова присоединял еще и свои собственные и выполнял эти собственные правила с той же строгостью, как и правила предков. Так вот, например, провожая в лес туристов-охотников, он никогда не позволял им фотографировать раненое животное до тех пор, пока оно не умирало. Точно так же, если приходилось раненое животное донести живым до лагеря, то тут надо было его непременно выходить и отпустить. Однажды весной Серой Сова попался маленький, месячный, волчонок, и охотник принес его домой и стал ухаживать с добрым намерением выходить его и, когда он будет в состоянии сам добывать себе пищу, отпустить на волю. При самом лучшем уходе маленький сирота чувствовал себя несчастным. У него было только два развлечения или он жевал старый мокасин [5] под кроватью – единственное развлечение, похожее на игру, или часами, уставившись неподвижно, смотрел на стены хижины своими косыми непроницаемыми глазами, как будто он сквозь стены видел что-то вдали. Волчонок не обращал на Серую Сову никакого внимания и замечал его лишь тогда, когда тот приносил ему корм. Так он все и продолжал глядеть затуманенными зелеными глазами в свою желанную страну, пока, наконец, не умер.

«СИРОТЫ»

Однажды по окончании зимнего охотничьего сезона Серая Сова отправился продавать свою пушнину, но цены были низкие и падали все ниже и ниже из недели в неделю. В это время роковые слова о конце первобытных лесных промыслов уже были написаны в лесной чаще.

За год перед этим участок, на котором теперь работал Серая Сова, был обловлен хорошим охотником и мало попадалось, и цены были так низки. Что делать? Всего только около шестисот долларов было заработано – вовсе ничтожная сумма в сравнении с обычным заработком. После погашения долгов и закупки летнего провианта не останется от шестисот долларов ни малейшей основы для возможности двинуться вновь куда-нибудь на поиски девственного, не видевшего охотника участка, а без этой возможности какой же интерес томиться ловлей зверей в таких поруганных человеком местах? Чтобы как-нибудь выйти из трудного положения, Серая Сова решил поохотиться и в весеннее время, когда мало-мальски смыслящий что-нибудь в своем деле охотник вешает ружье на стенку бить зверей, когда у них рождаются дети, – это все равно, что рубить сук, на котором сидишь. Но что же делать! Положение было безвыходное, а на участке еще оставалась одна семья бобров Серая Сова успокоил себя тем, чем всякий успокаивает себя в этих случаях если он не возьмет этих бобров, придет другой и покончит с ними.

Случилось, запоздал один покупатель, и пришлось из-за этого провести даром целую неделю, а потом длинная дорога на участок, где Серая Сова должен был сдать пушнину, отняла еще больше времени, и вот к охоте надо было приступить лишь в конце мая, когда бобрята непременно должны были уже родиться. Не оставалось в этом никакого сомнения. Но Серая Сова все-таки пошел на охоту, и, когда ставил свои капканы, из старой, но подновленной бобровой хатки послышались слабые, тоненькие голоса бобрят. Услыхав эти знакомые звуки, Серая Сова загремел веслами и тем отвлек внимание Анахарео. Пойми женщина, в чем дело, она упростила бы снять капканы. Никогда не приходилось раньше делать этого, поэтому, услышав писк бобрят, и сам Серая Сова почувствовал боль.

Но работу свою он продолжал: деньги были очень нужны.

На следующий день Серая Сова вытащил из капканов тела трех бобров, но четвертого капкана не было: бобровая мать оборвала цепь и ушла в воду вместе с капканом. Было прощупано все дно в поисках тела бобра, была отчасти спущена и вода, но ничего не помогло: нигде ничего не находилось. В этом горе от потери самой ценной шкуры Серая Сова и вовсе забыл о маленьких беспомощных бобрятах, обреченных теперь, без матери, на голодную смерть. После целого дня, истраченного на поиски бобра, он уложил свои капканы, снаряжение и направился в лагерь, не думая возвращаться еще к этому опустелому месту. Но события иногда вторгаются в нашу жизнь и действуют как будто по собственной воле. На другой день Серая Сова вдруг почему-то переменял свое вчерашнее решение не возвращаться больше к пруду, и ему захотелось проверить, не вернулась ли самка в свою хижину. Вместе с Анахарео они стали грести к опустелой бобровой хатке. Но никаких признаков жизни там не было: ни по следам, ни по звукам.

Ничего не оставалось больше делать, как повернуть обратно и покинуть это место окончательно и навсегда. И только они повернули лодку, вдруг позади себя Серая Сова услышал плеск, оглянулся и увидел какое-то животное вроде выхухоля на поверхности воды возле бобрового домика. Хоть чем-нибудь вознаградить себя за потерянный день! И охотник поднял ружье, стал прицеливаться. На таком расстоянии промахнуться было невозможно, и палец уже готов был нажать на спуск, как вдруг это животное издало тихий крик, и ему ответило другое животное таким же голосом. Они сплылись, и их можно было убить одним выстрелом; но они опять закричали, и по этому крику вдруг стало все понятно: то были маленькие бобрята. Тогда Серая Сова медленно опустил ружье и сказал Анахарео:

– Ну, вот тебе и бобрята!

При виде маленьких сирот у нее сразу же пробудился инстинкт женщины.

– Спасем их! – воскликнула она взволнованно.

И потом более тихо:

– Мы обязаны.

– Да, – ответил смущенно Серая Сова, – мы обязаны. Возьми их.

Однако поймать их оказалось не так-то легко: бобрята были уже не маленькими и отлично могли плавать. Но, терпеливо преследуя их, охотники своего добились: странного вида пушистые зверьки были пойманы и спущены в лодку. Они были каждый около полуфунта весом, с длинными задними ногами и чешуйчатыми хвостами. По дну лодки оба зверька стали ходить со свойственным бобрам видом спокойствия, настойчивости и целеустремленности. Супруги-охотники смотрели на эту парочку несколько смущенно, с трудом представляя себе, что же дальше-то делать с ними. Однако милосердные люди и вообразить себе не могли невероятных последствий появления этих животных в семье человека.

«ПРИЕМЫШИ»

Молодые супруги, конечно, не представляли себе того, как свяжут их по рукам и ногам принятые на воспитание дети звериного царства. Бобрята вовсе не были похожи на дикие существа, как мы их себе представляем: не прятались они по углам в ужасе, не глядели тоскующими глазами и ни в чем не заискивали. Совсем напротив: они гораздо более походили на два глубоко сознательных существа, видевших в людях своих защитников. Правда, они всецело отдались в человеческие руки, но зато уж, со своей стороны, требовали к себе непрерывного внимания, напоминая людям о взятой на себя ответственности, приучая даже и спать-то начеку, с рукой, положенной на жестянку со сгущенным молоком.

Не так-то легко было найти способ кормления их. Что делать, если они не хотели пить молоко из тарелки, а бутылки с соской нигде нельзя было скоро достать? К счастью, осенила мысль погружать веточку, взятую с дерева, в банку со сгущенным молоком, а потом давать ее в рот бобренку обсосать и облизать.

После еды эти кроткие существа, полные обезоруживающего дружелюбия, считающие как бы вполне естественным такое отношение к ним людей, просились на руки, чтобы их поласкали. А скоро они взяли себе в привычку засыпать за пазухой, или внутри рукава, или свернувшись калачиком вокруг человеческой шеи. Переложить их из выбранного ими места в другое было невозможно, – они немедленно просыпались и решительно, как в свой собственный дом, возвращались назад. Если же с излюбленного места их перекладывали в ящик, то они пронзительно кричали, прямо требуя своего возвращения, и стоило протянуть к ним руку, как они хватались за нее и по руке взбирались и опять калачиком свертывались вокруг шеи.

Голоса людей они скоро научились различать и, если к ним, как к людям, обращались со словами, то оба, один перебивая другого, старались криками своими что-то тоже сказать. Во всякое время им разрешено было выходить и бродить вокруг палатки, и все было у них хорошо до тех пор, пока они не теряли друг друга из виду. Неистовый крик поднимался, когда им приходилось поодиночке заблудиться. Тут они теряли всякую свою самоуверенность, самообладание и звали на помощь людей. А когда их соединяли, то нужно было видеть, как они кувыркались, катались, вертелись, визжали от радости и потом ложились рядышком, вцепившись

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru друг в друга своими цепкими лапками, чрезвычайно похожими на руки. Часто, когда приемыши спали, им в шутку что-нибудь говорили, и они слышали и сквозь сон пытались ответить по-своему. Если же это повторялось слишком часто, бобрята становились беспокойными и выражали свою досаду, как дети. Действительно, их голоса очень напоминали крики грудных детей. Смотря по времени дня или ночи, в определенные часы из глубины ящика слышались соответственно часу и определенные звуки. Легче всего было людям понять, конечно, громкие, настойчивые и продолжительные крики, требующие еды и повторяющиеся приблизительно через каждые два часа.

Серая Сова не был сентиментальным человеком, но эти причудливые маленькие создания сумели привязать к себе охотника до того, что он сам дивился своим чувствам. Каждый из бобренок сразу же выбрал себе своего шефа и оставался верен своему первому выбору. Бобрята изливали свою любовь забавными способами: завидя людей, они опрокидывали свой ящик и мчались навстречу им или ночью залезали под одеяло и располагались калачиками вокруг шеи избранного шефа. Если им что-нибудь грозило снаружи, они пугались и тихо кралась, животами почти касаясь земли, к людям; каждый садился возле своего друга, и так они ждали, пока воображаемая опасность не проходила.

Они постоянно удирали, и в первое время немало было тревоги и хлопот, чтобы находить таких крошек в кустарниках. Но после вся эта тревога оказывалась напрасной, потому что, чуть заслышав где-нибудь шаги или зов своих друзей, они сами со всех ног бросались им навстречу. Мало-помалу маленькие бродяги вошли в такое доверие, что их хозяева стали забывать о разных мерах предосторожности и однажды перед отходом ко сну забыли закрыть ящик, а утром нашли его пустым. В тревоге бросились за бродягами, искали, плавая в каное целый день; всю ночь стерегли в кустах, постоянно проверяя, не вернулись ли они в палатку. Трудно было вообразить себе, чтобы бобрята, столь привязанные к людям, могли их по доброй воле покинуть. Но все-таки они были дикими животными, способными бегать где захочется, самостоятельно питаться и, может быть, вообще даже обходиться без людей: взбрело что-нибудь в голову, и вдруг одичали и ушли навсегда. Забиралась в душу еще и худшая тревога: везде было множество ястребов и сов, а какой-нибудь выдре и вовсе ничего не стоило расправиться с ними по-своему. Так прошло более тридцати часов со времени их исчезновения. За это время, думалось, если они только остались в живых, они должны были удрать так далеко, что поиски вблизи палатки делались вовсе напрасными. Измученные, с понурыми головами, вернулись супруги в палатку на отдых. А там, в палатке, и не подозревая, сколько они своим друзьям причинили тревоги, восседали на постели оба беглеца и выжимали воду из своих шуб прямо на одеяла.

После этого тяжелого испытания супруги перенесли свой лагерь прямо к старому озеру и, конечно, принимая разные меры предосторожности против хищных птиц и зверей, дали бобряткам волю уходить и бродить где им только нравится. Часто бобрята ненадолго спускались вниз, к озеру, своей обдуманной походкой, купались там, плавали в тростниках и возвращались важно, с видом двух старичков, делающих прогулку для моциона. Бобрята были неплохие хозяева. Когда окончился молочный период их кормления, в дополнение к их естественной пище приходилось давать им еще овсянку. Каждый бобренок получал свою отдельную тарелку, и вот нужно было видеть, как они обходились с этими тарелками! Инстинкт бобров – накладывать все полезные материалы друг на друга где-нибудь в стороне, чтобы они не мешали, – перешел и на тарелки: заботливо вычищенные тарелки отодвигались к стене палатки, и тут их непременно нужно было поставить на ребро у стены. Это было, конечно, нелегко сделать, но они упорно добивались, и большей частью им удавалось прислонить тарелки к стене.

К трем месяцам своего возраста бобры перестали доставлять своим хозяевам беспокойство, и нужно было только удовлетворять их жадный аппетит к овсянке да остерегаться их особенного, неустанного любопытства к мешкам и ящикам с запасами провизии. Они нуждались в частой ласке, и приходилось считаться с их обыкновением появляться во всякие часы ночи на постелях хозяев насковозь промокшими и обдавать своих спящих друзей сыростью и холодом. Но они были сами щепетильно опрятны, кротки, воспитанны, совершенно ничем не пахли, и, в общем, это была парочка представителей Маленького Народа, которая так себя вела, что каждому бы доставило удовольствие с ними жить. Они старались держаться незаметно, и большую часть времени их было не видно и не слышно, и только перед закатом обыкновенно они чувствовали особенную потребность во внимании, и с этим надо было считаться. В эти минуты они попискивали, хватили за руки своих хозяев,

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru слегка покусывали кончики пальцев, карабкались вверх, насколько только могли повыше, сопровождая все это курьезными ужимками, с тем чтобы показать свою особенную привязанность к людям. И вот эта потребность в человеческой ласке, зовущий голос, игра то с локоном волос, то с пуговицей или бахромой от одежды делали их очень похожими на детей. Но подобные приливы чувств не были длительными: поиграв с людьми на вечерней заре, они исчезали по своим делам до рассвета и появлялись утомленными, промокшими и сонными.

Нет ничего удивительного в том, что Анахарео как женщина не только полюбила этих деток звериного царства, но всецело себя им посвятила, как будто они были ее собственные дети. Серая Сова решительно терялся в этом неожиданно нахлынувшем на него чувстве: оно грозило подорвать главный источник средств его существования – охоту на бобров. По временам он даже стыдился этих чувств, как недостойных мужины. Однако в этих случаях вспоминался ему один громадный и с виду злой индеец, безобразного вида, с изуродованным оспой лицом; его все не любили. Однажды он провел целый день под дождем в поисках своего потерянного бобра; найдя его, он снял с себя верхнюю одежду, завернул в нее бобра и под проливным дождем шел домой в одной нижней рубашке. Другой индеец застрелил свою прекрасную ездовую собаку, вожака, за то, что она заела бобра, которого он два года выращивал. Значит, было же что-то привлекательное в этих чертенятах, если под их влиянием изменяли свой характер самые грубые люди!

Серая Сова вначале старался затаиваться в своих чувствах, когда это происходило на глазах Анахарео, но это было чрезвычайно трудно. Их чихания и детские покашливания, нежные хныканья и другие разные звуки, выражавшие их любовь к людям, – как они были привлекательны! А их постоянные пылкие ответы на всякую ласку, крохотные цепкие, похожие на руки лапки, их по временам нетерпеливо топающие ножки и маленькие взрывы чувств при защите своей независимости, – все, казалось, в них было создано для того, чтобы вызывать самые нежные чувства, дремлющие в каждом человеческом сердце. Большею частью они были шумно счастливы, но бывали у них иногда приступы сварливости и повышенной возбудимости, когда они ссорились между собой, били друг друга и даже своих хозяев. Но такое дурное состояние духа длилось обыкновенно недолго, и – как удалось установить – причиной его было плохое пищеварение. Их «руки» (иначе и нельзя назвать их передние конечности) были для их дела столь же совершенны, как и человеческие. Они могли ими подбирать очень маленькие предметы, манипулировать палками, камнями, ударять, толкать, поднимать тяжести и так сильно обхватывали вещи, что трудно было их вырвать. Очищая зубами сочную кору с палки, они вращали ствол «руками», так что работа шла, как на токарном станке.

Жадные зверюги постоянно стремились что-нибудь друг у друга стащить, но редко это было всерьез, и еще реже затея удавалась. Владелец какой-нибудь палочки всегда был настороже и в случае злонамеренного приближения товарища поднимал протестующий крик и до того в этом расхождении, что долго не унимался и после того, как неприятель оставлял всякую мысль о грабеже. Ни малейшего недовольства они не выказывали, когда подходили к ним во время еды; можно было даже их и погладить; но стоило только потянуться за их деревянными сэндвичами, как они резко вскрикивали и поворачивались, заслоня задом свои съедобные пруты от людей.

Молодые супруги перенесли на своих бобряток, по-видимому, всю заботу и нежность, какие таились в них для воспитания собственных детей. Случалось им уплывать куда-нибудь по озеру, и, когда возвращались, они, не доезжая до берега, принимались звать, и приемыши подплывали, вытягивали руки, хватались за спущенные пальцы, глядели вверх, просились и что-то бормотали по-своему. Для такого случая припасались кусочки чего-нибудь лакомого, и приемыши поедали это на воде, звучно чмокая губами и всячески выражая свое довольство. Впрочем, покровителям детей звериного царства такая встреча, кажется, доставляла не меньшее удовольствие, чем и самим зверятам. В особенности им стало это занятно, когда оказалось, что лакомым кусочком можно было на воде манить бобряток за собой, и они старались даже вскарабкаться в каное. В этом им было очень легко помочь, так как хвост бобренка может быть удобнейшей ручкой. Восторг приемышей при встрече с хозяевами в каное был неопишуемый, и если Анахарео и говорила иногда, что этот восторг небескорыстный, то Серая Сова урезонивал ее такими словами:

– Укажи мне даже самого близкого друга, теплое сердце которого еще более не теплело бы оттого, что ты его приглашаешь к своему столу.

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
И не раз после таких забавных сцен, собираясь в новую поездку, Серая Сова и Анахарео, представители двух племен, самых воинственных, изводили друг друга спором о том, какую приманку взять в этот раз, что больше любят или не любят два маленьких существа, которые, по нравственным нормам спекулянтов цивилизации, не стоили даже заряда пороха.

«ДЕТИ ЗВЕРИНОГО ЦАРСТВА»

В середине лета понадобилось непременно Серой Сова побывать на железной дороге и там посоветоваться с людьми той же профессии о перспективах предстоящей зимы. Во время этого путешествия бобрам разрешалось бегать свободно, потому что выскочить за борт каноэ они никак не могли. Когда же приходилось каноэ тащить за собой по суше, то их сажали в мешок от зерна и подвешивали к лавочке для гребца в перевернутом каноэ. Один из этих волоков был длиною в две мили, и бобрята всю дорогу кричали, потому что тучи комаров облепляли мешок. Не было с собой удобного ящика, чтобы бобров устроить хотя бы на время остановки; приходилось от комаров привешивать мешок у костра и подкапчивать бедных зверьков. Почти все время они спали и ничего не ели, но, тем не менее, прибыли в довольно хорошем состоянии и только казались немного пьяными. Посмотрев на, них в таком состоянии, один индеец даже сказал, что они умирают. Но всего через какой-нибудь час или два, проведенные в воде, они вполне отдохнули. Теперь пришлось их днем и ночью держать в заключении из-за множества бегавших на свободе ездовых собак. Бобры не оставались равнодушными к своему заключению, а проворно выгрызали себе выход из всякой посуды, в которую их приходилось сажать.

Вслед за этим путешествием предстояло совершить еще одно плавание – назад в лагерь за оставшимися вещами. Пришлось отдать бобров на попечение одному приятелю, который запер их в свой бревенчатый сарай. Через несколько дней путешественники прибыли, и, как только выгрузились на берегу, Анахарео отправилась навестить бобров, а Серая Сова пошел раздобыть крепкий, хороший ящик, чтобы в тот же вечер сесть на поезд и отправиться дальше. На обратном своем пути Серая Сова встретил бледную, обезумевшую от горя Анахарео: бобры исчезли. Они выгрызли себе выход в сарае на более тонком месте, где одно бревно соединяется с другим, и отправились в свое путешествие. Владелец сарая, зная, как молодые супруги дорожили бобрами, крайне взволнованный, надел намордник своей охотничьей собаке и отправился искать беглецов по следам. Взяв направление к отдаленному озеру, Серая Сова, в свою очередь, принялся широко обшаривать мель. Бобры не могли быть далеко, и при обычных условиях их легко бы можно было найти; опасность угрожала от упряжных собак и от охотников-шкуратников, убивающих все, что им на глаза попадается.

Однако спустя немного самка показалась сама во дворе; она беспечно пробиралась между собаками, и они ее заметили и уже со всех сторон бросились, чтобы схватить. Но с криком, дикими прыжками Анахарео бросилась, выхватила бобренка и, преследуемая врагами, унеслась в ближайшую дверь. Серая Сова узнал об этом, вернувшись из своих безуспешных поисков.

Поиски с охотничьей собакой тоже не дали никаких результатов, вероятно, потому, что детеныши большинства животных не оставляют на следу никакого запаха, и это именно им служит защитой от хищников. Узнав об этом, Серая Сова и Анахарео значительно между собой переглянулись, оба думая об одном: что самец, чрезвычайно любознательный и страстный бродяга, отправился в свое последнее путешествие. И тогда большой крепкий ящик с одним бобренком им показался слишком большим и пустым. За свою короткую жизнь бобрята не разлучались между собой больше чем на несколько минут, и оттого теперь самочка причитывала тем голосом, который являлся у нее в одиночестве при больших неприятностях.

Серая Сова искал безуспешно весь вечер, пока наконец не стало темнеть. Вся местность кишела издыхающими от голода упряжными собаками, для каждой из которых бобренок – один-единственный глоток. Шансов найти теперь оставалось немного, а пропавший бобренок как раз и был любимцем Серой Сова. Печаль стала глубоко проникать в его душу. Трудно было думать, чтобы маленький бобр успел добраться до озера, но искать нужно было, тем более что этот маленький бродяга часто попадал в трудные положения и все как-то счастливо отделялся. Быть может, он и в этот раз ускользнет от верной гибели? И Серая Сова, размышляя об этом, вдруг с достаточной ясностью увидел на другом берегу узкого залива что-то темно-коричневое, быстро исчезающее в наступающей темноте. Несколько раз Серая Сова громко позвал, и в ответ немедленно, только вовсе не со стороны того коричневого предмета, а совсем недалеко впереди, в расстоянии броска камня,

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru послышался горестный вопль. Ивняк был густой, и разглядеть что-либо в нем было невозможно. Серая Сова, однако, шел вперед и кричал, и каждый раз на свой призыв получал ответ, пока, наконец, бродяга, с выпученными глазами и шерстью, поднявшейся дыбом, не прорвался через чащу и не бросился к ногам Серой Совы. Вмиг Серая Сова подхватил маленькое пушистое тельце, крепко прижал к своей груди, и бобренок, тыкаясь носом в него, тоже выражал свои чувства едва слышным жалобным писком. Он был совершенно сух и, значит, почти достигнув воды, не пошел в нее, а вернулся на голос, столь хорошо ему известный.

Никогда Серая Сова раньше не испытывал такой радости от находки чего-нибудь потерянного. Что же касается Анахарео, то она была вне себя от восторга. И пусть ящик по-прежнему был слишком велик для двух маленьких бобров, – теперь пустота его людьми больше не чувствовалась; напротив, он казался полным, и уже неслись оттуда знакомые звуки ссоры из-за лакомого кусочка, той самой ссоры, которая выражается словами: милые бранятся – только тешатся.

Наблюдая теперь зверушек, живущих в полном неведении опасностей, прошлых, настоящих и будущих, Серая Сова с некоторой тревогой думал о своей к ним привязанности, перерождающей его самого из охотника – истребителя бобров в их покровителя. С чисто экономической точки зрения, Серая Сова давно уже был противником массовой бойни, естественно теперь приходящей к концу из-за отсутствия жертв. Но такого рода холодный расчет был совсем другое, чем прямая любовь к живым существам. Оказалось, что эти животные обладали чувствами и могли отлично их выражать; они могли разговаривать, имели привязанности, знали, что такое счастье и что такое одиночество; одним словом, они были маленькими людьми. А наблюдение над двумя маленькими неизбежно сопровождалось пониманием всего Бобрового Народа: что он весь такой! Под влиянием этого у Серой Совы всплывали в памяти разные истории о бобрах, слышанные им в детстве и потом казавшиеся неправдоподобными. Недаром же дикие индейцы давали своим бобрам такие имена, как Бобровый Народ, Маленькие Индейцы, Говорящие Братья. Недаром матери-индейки, потеряв ребенка, кормят грудью бобров и в этом находят утешение. И как нежно ухаживали за ними все индейцы, в руки которых они попадали! Но почему же раньше Серая Сова, ни на мгновение не задумываясь, предавал их смерти? Это прежнее свое отношение к бобрам Серая Сова теперь считал совершенно чудовищным.

Так, раздумывая о маленьких детях звериного царства, Серая Сова в последний раз на ночь заглянул к ним и отправился спать. Но неугомонные зверьки в течение ночи выгрызли себе выход из нового жилища и, утомленные этой работой и еще разными своими делами, крепко заснули снаружи, возле прогрызенной ими стенки ящика. Тут их и нашли поутру, когда решался вопрос, садиться в поезд или еще один пропустить.

Между тем слухи о ручных бобрах привлекли в лагерь одного торговца мехами, пожелавшего посмотреть на бобров. Он рассказал, что есть недалеко отсюда еще парочка бобряток, которых один индеец принес хозяину магазина в уплату своего долга, и что он собирается их купить. Он прибавил, что те бобрята очень неважно выглядят и могут умереть в пути. И потому он их не хочет касаться и ждет, что владелец сам на свой риск ему их доставит.

Напротив, бобры Серой Совы показались торговцу превосходными и произвели на него сильное впечатление. Он даже сделал очень выгодное предложение, которое, конечно, было отвергнуто, хотя денег было и вовсе мало. После ухода торговца явилось желание поглядеть и на тех бобряток. Собираясь туда, Серая Сова и Анахарео поместили своих в оцинкованную лоханку, приставили сторожа и наказали в свое отсутствие никому бобров не показывать. Владелец бобров оказался не простым торговцем: его универсальный магазин соединен был с гостиницей, самым же главным источником его дохода была торговля контрабандным вином. Этот торговец контрабандными напитками в душе был неплохой парень и тратил на угощение почти столько же виски, сколько и продавал. Притом он был еще и набожным человеком и в своей личной комнате имел нечто вроде алтаря с неугасимой лампадой. Здесь он обыкновенно и молился со своей семьей; и весьма нередко случалось, что, поднявшись с колен, приходилось идти прямо за прилавком, отпускать запрещенную водку покупателю, а потом возвращаться в свою священную комнату и, осенив себя крестным знаменем, снова опускаться на то же самое место. Купив бобряток, этот хозяин не имел ни малейшего понятия об уходе за ними, и потому маленькие создания имели вид до крайности жалкий, в полном смысле слова, можно сказать, умирал и своими слабыми голосами непрерывно кричали. Когда к ним в ящик просовывали руку, они хватались своими крохотными ручками за пальцы с жалобными

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru криками, как будто они умоляли спасти их, вытащить из черной бездны, в которую они погружались.

Серая Сова мог только жалеть, но не осуждать хозяина: сам когда-то так поступал.

– Если бы только он нам позволил их взять к себе! – говорила Анахарео. – Пусть бы хоть они умерли возле наших и не были такими одиночками!

– Мы их купим! – ответил Серая Сова.

И пошел к лавочнику.

– Сколько вы хотите?

– Много, – ответил торговец. – А сколько у вас денег?

Серая Сова ответил.

– Мало, – сказал торговец.

Анахарео предложила торговцу ухаживать за бобрами. Но, как ни старалась она втолковать ему, что от этого бобры поправятся и будут стоить дороже, хозяин отказался и от такого бескорыстного предложения. Он послал за лицензией, чтобы иметь право отправить бобров к торговцу мехами, и говорил, что будет вполне удовлетворен, если бобры проживут до заключения сделки и будут погружены живыми.

– Если же они, – говорил он, – подохнут после заключения сделки, то это будет даже забавно.

Одним словом, это был типичный представитель спекулянтов среди торговцев мехами, порожденных последними аферами.

Но бобрята, без воды, подходящей пищи, какого бы то ни было ухода, к их счастью, не долго промучились. Один маленький пленник в ближайшее воскресенье утром был найден мертвым в своей темнице, другой так же безжизненно растянулся возле ведра с водой, до которой он, мучимый жаждой, напрасно старался добраться. С глубокою скорбью смотрел Серая Сова, как бросили в помойное ведро два существа, рожденные в чистой, благоуханной свободе безмолвных лесных просторов, чудесные существа, не понятые людьми, опозоренные.

И позже, глядя на своих двух маленьких крошек, Серая Сова не мог забыть тех несчастных и давал себе нерушимый обет никогда, ни при каких условиях не продавать своих зверенышей в рабство и сделать их свободными существами во что бы то ни стало. С болью вспоминал он при этом их загубленную мать.

– Пусть никогда не будет, – говорил он, – в жизни моей, столь же тяжелого дня и не буду я больше участвовать в чем-нибудь подобном тому, чему я был свидетелем в жалкой лавке спекулянта. Я на это не пойду, если даже и придется самому голодать.

В неясном еще сознании, но, по всей вероятности, именно в это время у Серой Совы созрело решение бросить охоту на бобров навсегда.

«ИЗ-ЗА ЧЕГО ПРИШЛОСЬ ПОДТЯНУТЬ ПОЯСА»

Как сожалешь, когда исчезает любимый пейзаж или погибает последний представитель какого-нибудь благородного животного! Так было, когда пал последний бизон: были охотники, которые после этого навсегда отреклись от ножа и винтовки. И сколько ветеранов-охотников из индейцев посвятили себя делу восстановления исчезнувшей породы животного! То же самое теперь происходило с бобрами: их добивали. И трудно было уйти от этого, не участвовать самому в этой бойне. Легко сказать – бросить охоту на бобров! Но чем же существовать, особенно такому, как Серая Сова, с малолетства связавшему свою жизнь с судьбою бобра? Нет, ни в каком случае это решение отказаться навсегда от охоты на бобров не могло быть осуществлено прямо же вслед за тем, как вздумалось. Еще и еще много раз жизнь должна была убеждать в бессмыслице истребления бобров, и должен был явиться какой-нибудь случай, за который можно было бы схватиться и спастись от ненавистного дела истребления любимого животного.

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Сто тысяч квадратных миль земли Онтарио теперь оставались совсем без бобров, и если бы не встречались кое-где их брошенные хатки, то можно было бы думать, что они здесь никогда даже не существовали. Около двух тысяч миль проплыл Серая Сова в каноэ по стране, считавшейся бобровой, и нашел только кое-где еще уцелевшие колонии и разрозненных одиночек. Серая Сова сидел на совете у оджибуев на Симоновом озере, беседовал с другими племенами с большого озера Виктория, с верховьев реки св. Маврикия, и все в один голос говорили одно и то же: что бобр или вовсе пропал, или находится на границе исчезновения. И по всему так выходило, что в очень скором времени бобры должны вовсе исчезнуть. Лес без бобров! Но как это представить себе человеку, который связал свою судьбу с судьбой бобра и всей окружающей обстановкой! Без бобра, казалось ему, исчезал всякий смысл в природе. И что же оставалось думать о себе самом, в сущности, помогавшем нашествию беззаконных трапперов [6] и спекулянтов мехами?

Глубоко задумывался об этом Серая Сова и вспоминал ранние дни своей лесной жизни, те беззаботные дни одиночества среди молчаливых обширных и безлюдных просторов. Увы! Эти дни, когда можно было бездумно убивать живые существа, ушли безвозвратно. В то время ведь он был один, спешки не было, и убийство животных в целях добывания средств существования казалось занятием вполне естественным. Нашествие безрассудных трапперов с их нечеловечески жестокими приемами убийства бобров, – вот что заставило впервые призадуматься. Индейцы как воспитанные, профессиональные звероловы ставили обыкновенно капканы свои подо льдом, и там, в воде, животное, захваченное капканом, или тонуло, или вырывалось и спасалось. Но у пришельцев были совсем другие приемы.

Что может быть ужаснее спрингпуля, [7] который выхватывает бобра из воды за лапу и подвешивает его живым в воздухе?! Так, давно, в первые времена нашествия варваров, Серая Сова нашел однажды мать, схваченную за лапу, а бобрята сосали у нее молоко. Она стонала от боли, и, чтобы освободить ее, пришлось отрезать ей лапу. Несмотря на боль, она поняла, что добрый человек ее освободил, и, доверяя ему, уходила медленно, поджидая своего маленького. Другая самка в то время встретила в еще более ужасном положении: пойманное спрингпулем животное кричало голосом, до странности напоминавшим наш, человеческий. Спасти ее было невозможно, оставалось только опустить ее в воду, чтобы она поскорее задохлась. И вот, умирая, несчастное животное своей одной, неповрежденной, лапой крепко сжало палец помогавшего ей умереть человека. Оказалось, что эта самка была на последних днях беременности. Довольно и двух случаев жертв этого дьявольского изобретения убийства животных. Но они встречались десятками: выхваченные из воды животные висели много дней живыми, пока не умирали от жажды и голода. Часто птицы выклевывали глаза еще у живых.

Подобная бесчеловечность белых цивилизованных людей у индейца вызвала чувство особенной близости к животным и первобытной природе, и пусть эта природа в борьбе за существование была тоже безжалостна, но все-таки она, даже разграбляемая, оставалась благородной. И оттого убийство бобров белыми варварами вызвало у Серой Совы чувство глубокой солидарности с животными: собственное убийство бобров ему стало казаться особого рода предательством, как если бы он стал ренегатом, помогающим завоевателю обирать своих соотечественников. И так вот Серая Сова был приведен к сознанию необходимости заключить мир со всеми жителями лесов, с тем чтобы начать общую борьбу против гнусного и беспринципного врага.

Истребление зверей белыми варварами сопровождалось и другими прискорбными бытовыми явлениями. Появилось неведомое раньше воровство. Началось это бедствие с похищения капканов и скоро распространилось на все. Звероловы, возвращаясь с промысла в свою лесную избушку, оказывались без продовольствия, без лыж, печей, одеял и капканов. Лагери очищались от запасов и бросались в загаженном виде; угонялись даже каноэ. Рушились старые лесные заветы. Охотники делались осторожными и недоверчивыми. Особенно удручающее впечатление оставалось в тех случаях, когда осторожность некоторых приводила к необходимости запирать свои хижины на замок. В старое время ссоровать запасы провианта было таким позорным делом, что виновный расстреливался. Если бы в те времена кто-нибудь вздумал себе на хату повесить замок, его бы сочли за чужеземца или за человека, не заслуживающего никакого доверия. И этот позорный способ охраны своего жалкого добра, казалось, столь противный самому существу человека, теперь становился необходимым и законным средством. Такими явлениями сопровождалась цивилизация индейской страны.

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Бобрята рождаются со середины мая и до конца первой недели июня. В северных районах в это время бобровая шкура, бывает, еще сохраняет все зимние качества. Вот почему весенняя охота может быть вполне рентабельной и отчего бродячие охотники в это время смерчем проносятся по стране, вторгаются в чужие участки, бьют легко доступных в этот сезон самок и обрекают сотни бобряток на голодную смерть. Помимо особой жестокости, этот способ охоты ужасен тем, что он в десятки лет опустошил страну больше, чем зимняя охота уничтожает, быть может, лишь только в сотни лет. Часто бедные маленькие существа, обреченные на голод, пытаются следовать за каноэ охотника, увозящего труп их матери; плывут и отчаянно кричат. Местные жители в таких случаях почти всегда приручали таких сирот. Но дальнейшая судьба их всегда была плачевна: они живут в заточении, стонут и молят о внимании к себе до того жалобно и неустанно, что когда недели через две умирают, то хозяевам все чудятся их голоса.

Серая Сова в своей жизни их много спасал, и теперь эти случаи спасения маленьких зверенышей с таким удовольствием вспоминаются. Так вот был один малыш у Серой Совы, спал всю ночь непременно возле головы, свернувшись в меховой шар. Когда приходилось перевертываться, то и он переползал на другую сторону и там свертывался в шар. Он очень любил взбираться на плечи, а во время работы за столом лежал, прижавшись к шее, под одеждой. Это был большой бобренок; под конец он до того ослабел, что уж не мог больше всего этого проделывать и однажды умер, делая слабую попытку взобраться на свое любимое место.

Давно уже Серая Сова томился в глубине своей души необходимостью вечной бойни, в полном смысле слова бойни, потому что в марте приходилось бить бобров просто дубинкой, когда они показываются на поверхности воды. Их смирение пред лицом смерти не могло не волновать чуткого человека: некоторые ведь, даже понимая неизбежность удара дубинкой, пытались защитить свою голову передними лапками. Был один случай, когда смертельно раненный бобр приплыл к берегу, лег в нескольких футах от охотника и чего-то ждал, как будто просил добить себя, но у охотника долго не могла подняться рука.

Давно уже от всего этого тошнило, но мало ли на свете профессий, от которых тошнит, и все-таки люди до конца не оставляют их, потому что им надо жить. И Серая Сова тоже, как все, продолжал бы оставаться в плену ужасной профессии, если бы не встретила женщину, если бы маленькие пленники не заставили обратить на себя особенное внимание и не заменили одиноким людям в диком лесу родных детей. Они иногда казались людьми с какой-то иной планеты, язык которых надо было еще научиться понимать. Такие любознательные, такие любвеобильные, детски милые – и вот такие-то существа убивать! Нет! Серая Сова теперь будет наблюдать, изучать, учиться понимать их. А может быть, удастся основать собственную бобровую колонию и вступить в борьбу за жизнь бобров и не дать им исчезнуть с лица земли. Пример с бизонами был недалек, и если идея охраны их принесла свои плоды, то почему же Серая Сова не может сделать чего-нибудь подобного с бобрами? С чего бы, однако, начать? Надо, конечно, начать с того, чтобы найти какую-нибудь бобровую семью, на которую не мог бы претендовать никто из охотников и защитить ее от охотников – бродячих, случайных людей. Но найти, охранить и приручить – задача нелегкая. На все это нужно время, а чем существовать в дикой, отдаленной от населенных пунктов местности? Безумное занятие, обрекающее на голод. Если же поселиться в богатом пушном районе, где можно было бы приладиться к какому-нибудь побочному занятию, то пришлось бы иметь своего сторожа, и началась бы из-за этого вражда с другими охотниками, которые Серую Сову сочли бы за предателя.

И все-таки через все эти препятствия надо было пройти и с чего-то надо было немедленно же начинать. А пока что все оборудование состояло из двух маленьких бобров и счета из бакалейной лавки.

После некоторых размышлений, с большой опаской Серая Сова наконец решился вовлечь в свои планы Анахарео.

– Ну вот, – сказал он насколько мог решительно и бесповоротно, – мы займемся какой-то другой работой: охоту на бобров я бросаю навсегда.

Недоверчиво поглядела на него Анахарео и буркнула:

– На что уж бы лучше.

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Нет! – перебил ее сомнения Серая Сова. – Это решение совершенно серьезное. Отныне я и президент, и казначей, и единственный член общества покровителей Бобрового Народа. Что ты скажешь о наших фи-нансах?

– Фи! – сказала она, чрезвычайно обрадованная.

Что такое финансы, если вопрос переходит к самым существенным вопросам жизни! Она никогда не думала, что Серая Сова может быть способным принять такое решение.

– Что ты теперь намерен делать? – спросила она.

Серая Сова тогда подробно посвятил Анахарео в свои планы.

– Может быть, – заключил он, – нам туговато будет, придется, может быть, подтянуть пояса.

– Подтянем как-нибудь, – ответила Анахарео.

«ДАВИД БЕЛЫЙ КАМЕНЬ»

Мечта одинокого человека. Сколько раз такая мечта засыхала подобно кусту, выросшему на берегу бурного Соленого моря! Сколько бродяг с мечтой в голове были вынуждены покинуть свою семью только потому, что редко понимают пророка в своем отечестве! И как она оживает, как прорастает эта мечта, если встречается тут же, на родной почве, таких энергичных людей, какой была Анахарео! Вскоре в помощь двум чудачкам, затеявшим дело спасения Бобрового Народа, присоединился третий – старый индеец племени Алгонкинов, по имени Давид Белый Камень (Уайт Стоун), родом, как и наши индейцы, из того же Онтарио.

Давид был представителем того типа индейцев, которые много усвоили из науки белого человека, сохранив почти все особенности своей расы. Он хотя и с заметным акцентом, но все-таки бегло говорил по-английски и по-французски. Был он высокий, суровый человек, мускулистый, со скромными манерами и замкнутым характером своего народа. У него были пронизательные глаза, исключительное чувство юмора, и мог он замечательно искусно выть по-волчьи. Под хмельком он распевал довольно посредственно псалмы из молитвенника; имел дробовик, из которого заряд вылетал так кучно, что, по словам владельца, «им можно было, как из винтовки пулей, подстрелить в толпе на выбор любого человека». Во время своих, к счастью редких, припадков религиозного усердия он не на шутку стремился продемонстрировать могущество этого редкого оружия. В дни своей юности он слышал о знаменитых набегах ирокезов на северное Онтарио, и теперь старик был уверен в том, что их отряды и до сих пор, может быть, скрываются где-нибудь в неприступных местах, замышляя новые нападения. Он участвовал в строительстве Канадской Тихоокеанской железной дороги; присутствовал, когда Эдуард, принц Уэльский, с избранными гребцами начинал свое историческое путешествие в каноэ по древнему пушному пути вниз по реке Оттава в Монреаль. Он еще верил, что в таинственных, пока не открытых местах было множество зверя и золота. Он был золотоискателем.

Как это было кстати: золото – людям, желающим посвятить жизнь свою счастью Бобрового Народа! Давид всего год тому назад нашел золотоносный участок, на который еще не было сделано никаких заявок. Но Серая Сова до сих пор был равнодушен к золотоискательству, хотя как гребец и носильщик принимал участие в разного рода золотых горячках и лихорадках. Он чувствовал легкое презрение к этому обманчивому пути, к этим людям, со страстью копающим камни и грязь. Но теперь невозможно было и самому удержаться, когда энтузиазм старика воспламенил воображение Анахарео, происходившей тоже из семьи золотоискателей. Вечерами все трое долго разговаривали о золотых россыпях, разглядывали с видом знатоков образцы пород и углублялись в изучение карты. Однажды, после длительной беседы, дело дошло до того, что только невозможность в ночной, поздний час достать продовольствие удержала энтузиастов от решения немедленно, в эту же ночь пуститься в экспедицию туда, в золотые края. Один только Серая Сова оставался до некоторой степени благоразумным и с некоторым трудом уговорил Давида и Анахарео подождать хотя бы до весны, когда можно будет отправиться без значительного риска. Уверенность в грядущем счастье была так велика, что Давид предложил великодушно все добытое в его участке разделить пополам, потом закупить хорошее снаряжение и направиться на север, в дикую страну, за пределы цивилизации, ибо все трое еще верили, что где-то «за далекими холмами» есть зверь.

Сколько еще было разговоров об устройстве бобров, которые к тому времени будут большими! Сколько любовной заботливости было к ним проявлено, как будто это были не животные, а собственные дорогие дети! Добрый Давид часами играл с ними, как маленький, и учил благопристойному поведению в обществе людей. Серая Сова, однако, план свой от него пока скрывал, отдавая долг суеверной примете многих людей: если о чем-нибудь загадал, то ни в коем случае, пока не приступил к делу, нельзя рассказывать об этом людям непричастным.

До весны, однако, было еще далеко, и надо было обдумать, как бы теперь получше скоротать оставшееся длинное время. В тех местах, кроме того, жить становилось довольно опасно. В этой части Квебека три лета подряд лили непрерывные дожди, отчего стало чрезвычайно сыро, и жить в палатке было неприятно. Индейцы умирали, как мухи, от туберкулеза и других болезней, связанных с дурной погодой. Их охотничьи участки были совершенно выбиты бродячими разбойниками, и кто из индейцев еще не умер с голоду, тот до того истощался на голодую, что не мог оказывать сопротивления болезни. Индейский доктор из Оттавы был завален работой с больными и рекомендовал настойчиво трем искателям счастья как можно скорее бежать из этого края.

Тут, к великому счастью, подвернулась одна охотничья компания, и, чтобы сдвинуться с места, все трое, и даже вместе с бобрами, нанялись к ней на службу. Бобры сразу же сделали счастливым талисманом охотничьей компании и получили тут множество развлечений: они знакомились со спортсменами, прогрызали дыры в палатках и в брезенте, воровали хлеб, залезали в масло, били яйца и всем мешали. По ночам они отпускались на полную свободу и часто терялись, потому что стоянки были очень короткие и они не успевали ознакомиться с местностью. Но рано или поздно, а домой все-таки они всегда возвращались. Однажды утром, в три часа, по ошибке ввалившись в чужую палатку, один из них вскарабкался на спящего спортсмена и начал об него вытирать свою промокшую от хвоста и до носа шубу. Это вызвало целую сенсацию и коротенькие, но ядовитые замечания. К концу экспедиции иссякли запасы провизии, и все тогда завидовали бобрам, потому что их пища росла кругом в большом изобилии. Так несколько дней сытыми членами экспедиции были одни только бобры.

«ДЖО АЙЗЕК»

В юности казалось очень странным такое явление, что когда задумываешь что-нибудь и о своем загаде держишь, как Серая Сова, язык за зубами, то случай сводит с такими людьми, которые живут и думают в том же самом направлении. Теперь я не вижу тут никакого волшебства: просто задуманное заставляет обращать внимание в желанную сторону и выслушивать соответствующих людей. Так вот: не будь в голове у Серой Совы фантастического плана устройства республики Бобрового Народа, не стал бы он, наверное, задерживаться на фантазиях золотоискателя Давида и потом не отправился бы он вместе с ним служить в охотничьей экспедиции.

Около этого же времени трое милых чудаков познакомились еще с одним индейцем из Нью-Брунсвика, по имени Джо Айзек. В своих скитаниях такой человек, как Серая Сова, конечно, встречал великое множество всякого рода вралей как бездарных, так и художников. Но такого художника-враля, как Джо Айзек, ему довелось встретить впервые. Природа как будто для этого только его и создала. Слушателя своего он как бы гипнотизировал и заставлял верить себе в желанном ему отношении, хотя во всех других отношениях тот вполне понимал его как лгуна. Он много болтал о себе, что он, например, отличный профессиональный атлет, и не отрицал того, что он хороший, покладистый человек. Но вот какие курьезы бывают с такими покладистыми людьми. Он отлично зарабатывал своей профессией атлета, но ввиду того, что он всегда и всюду непременно брал первые призы, у других исчезал самый стимул заниматься атлетикой, и потому ему запретили выступать на всем материке. Вот почему, не желая простой, грубой работой портить себе мускулы, он выжидает снятия запрещения и ничего не делает.

Для Джо Айзека неведомых географических названий не было, – в любой, кем-нибудь названной местности он был. Если же вы сами бывали в названной местности и смущались его рассказами, то он сейчас же вас успокаивал тем, что спутал название, и очень ловко выходил из затруднения. У него были шрамы, полученные им будто бы в битвах, на самом же деле, как потом это выяснилось, шрамы эти были просто следами хирургических операций. Обширность его житейского опыта казалась великоватой для его возраста и возбудила в некоторых подозрение. Кто-то сделал точное вычисление на основании показаний рассказчика, и оказалось, что ему

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru должно быть не менее ста восемнадцати лет.

И вот подите поймите, как мог такой-то джентльмен сыграть огромную роль в жизни хороших людей, пожелавших стать на путь пионеров бобрового дела?! Не дети же были эти люди! Тяжелым трудом они добывали себе средства существования, знали нужду, видели всяких людей. Джо Айзек увлек их рассказами о местности Темискаута, которая, как потом оказалось, действительно существовала. Там, в Темискауте, на озере Тулэйди, он будто бы имел свой собственный охотничий домик с лодками и всяким оборудованием; там он имел отличный кредит в лавках, множество приятелей, которые всякого из его друзей встретят с распростертыми объятиями. Серая Сова все слушал внимательно, высчитал всю ценность названного имущества, для верности почему-то разделил все на шесть, и даже после такого деления Темискаута на Тулэйди, или как бы там она ни называлась, была местностью, достойной внимания.

Самое же главное, конечно, было в том, что местность была для искателей счастья Бобрового Народа совершенно новая и далекая; даль манит воображение охотника, и в таком состоянии человек имеет способность населять всякий такой неведомый, далекий край зверем и птицей. Но как ни далеко был заманчивый край, все-таки он не выходил за пределы Канады, а уж кто же, как не Серая Сова на своем опыте, на своей собственной шее, не изведал нынешние пушные богатства вконец разоренной Канады! Между тем Джо говорил – и ему верили, будто в том далеком благословенном краю человеческие поселки были вследствие вторжения диких животных доведены до состояния полнейшей нищеты. Олени там будто бы вытапывали хлеб на корню, речные хорьки и выдры не давали жить рыбакам, а на сплаве леса до того одолевали бобры, что на лесопилку бревна приплывали вовсе изгрызенными и никуда не годными. И еще там будто бы водится порода страшных кошек-людоедов, за истребление которых взялось даже правительство и выдает охотникам премии.

Высказав столь яркие и убедительные факты девственного состояния края, Джо погрузился в молчание, которое было, несомненно, короткой паузой для собирания в памяти своей новых материалов. Серая Сова воспользовался случаем и подверг его маленькому перекрестному допросу.

– Вы сказали, Джо, что там есть бобры? – спросил он его небрежно.

Джо лучше укрепился на своем стуле, как будто затем, чтобы удобнее было сдержать свое негодование, и поднял губу, как будто с тем, чтобы свистнуть.

– Бобры! – сказал он. Глаза его загорелись, и вот он понесся. – Да, бобры там действительно во множестве. Там столько бобров, что маленькие ручьи перенаселены до последней крайности. Говорят, что некоторым из них в ручьях вовсе даже не хватает жилой площади и приходится жить им исключительно на суше, вследствие чего замечаются у них некоторые органические перемены: на хвостах вырастает короткая шерсть, как у выдры. Подобные экземпляры известны под названием «травяных бобров».

Странно, что при дальнейших вопросах о травяных бобрах Джо несколько смешался и ответил, что не ручается вполне за факт существования подвида травяных бобров, так как об этом не имеется никаких сведений, кроме его личных наблюдений. Было действительно странно, что на таком пустяковом вопросе он смешался, но, по-видимому, и у лжи есть свои пределы.

Темискаута была недалеко от его родины, вот почему, быть может, он и глядит на нее без тех розовых очков, в которых люди видят обыкновенно чужие, отдаленные страны. Но все-таки кое-что верное было и в его рассказах, иначе Серая Сова вовсе не мог бы и поехать туда и найти там материал для этой книги, – во всяком случае, сама Темискаута была. Что же касается «охотничьих рассказов», то и они были поистине увлекательны при всех своих величайших и разнообразнейших противоречиях. Тая в душе свою идею охраны бобров, Серая Сова несколько пересолит в своих перекрестных допросах, после чего обнажил свою руку и стал задумчиво смотреть на шрам. Вероятно, он хотел этим сказать, что рубец был получен от укуса бобра в какой-нибудь битве со стадом одной из разновидностей бобров – наземной водяной или травяной.

Серая Сова поспешил из деликатности переменить тему: творец охотничьих рассказов чрезвычайно расстраивался, если ему не верили. Да и довольно уж было рассказано, потому что Серой Сове, в сущности, вовсе и не нужно было много бобров, ему для

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru начала разведения их было довольно одной только семьи. И потому опять были извлечены карты, и опять трое энтузиастов чертили палкой на песке свои маршруты и целую неделю только и разговаривали что об этой Темискауте на Тулэйди.

Охотничьи рассказы! Ведь знаем же мы им цену, эту цену летящего в небе журавля, но почему же все-таки мы так любим их слушать, любим сами рассказывать и – самое смешное – до какой-то степени все-таки им немного и верим. И вот почтенные люди, умеющие по-настоящему работать, срываются с места из-за того только, что какой-то Джо сказал, что он от какого-то охотника слышал о каком-то месте со множеством бобров.

– Обратите внимание, – говорил Джо, – напильные ими горы деревьев столь велики, что, перебираясь через них, один человек сломал себе обе ноги и умер на месте. И тем самым открывается секрет, почему тут никто больше не охотится: боятся тоже сломать себе ногу. Зато какая там теперь охота, какой лыжный путь, сколько бобров!

И он, тесно сжимая пальцы на руке, через щелочки пытается глядеть на собеседника, давая тем понять, как много их там живет.

Давид имел привычку стоя слушать такую брехню и, будучи чрезвычайно умным, никогда не возражал ни одним словом, как будто хотел сохранить всю чудесную фантастику в совершенной неприкосновенности. Конечно, и все другие очень мало верили охотничьим рассказам, но это мало имело значения, когда манило неизвестное и пробуждался от этих рассказов бродяжнический дух – коренное свойство индейской души. Достаточно было двух-трех коротеньких намеков в каком-нибудь рассказе, чтобы слушатели вспыхивали, схватывались за карту и в каждой ее линии начинали видеть свой особенный смысл. И вот эти люди, постоянно высмеивающие неправдоподобные рассказы, отдавались сами их влиянию и готовились всем рисковать.

Но почему же, в самом деле, и не рискнуть, если риск – благородное дело? И так вот, в результате слушания охотничьих рассказов, люди отправлялись в какую-то Темискауту.

«ДАЛЕКИЙ ПУТЬ»

Серой Сове пришлось продать для этого путешествия каноэ, истинного своего друга, спутника далеких плаваний, и кое-как наскрести на билеты себе и Анахарео. Бедный Давид почти плакал, не будучи в состоянии купить себе билет, и невозможно было ничем помочь ему. На вырученные от продажи вещей деньги можно было только доехать двум до места, рассчитывая там, в чужом месте, на авансы в счет будущей охоты. Нечего делать! Искателям счастья пришлось расстаться со своим другом и обещать ему выписать его немедленно после того, как что-нибудь попадет в капканы.

У путешественников, конечно, было другое, новое каноэ и полное охотничье снаряжение: лыжи, ружья, продукты и всякая всячина. Бобры поехали в обитом жестью ящике с чашкой для воды, прикрепленной в углу. В багажном вагоне для них поместили целую охапку тополевых веток. Во время пересадок Серая Сова переносил на спине ящик с бобрами, придерживая его ремнями. В городе Квебеке пришлось кормить бобров на станционной платформе; собралась громадная толпа, и пошли толки о том, что «везут диких животных, недостаточно прочно запертых в ящик на спине». Бобры непрерывно вопили, карабкались и пролили даже всю воду на спину Серой Совы. Индейцы привлекали всеобщее внимание, частью недоброжелательное, но большей частью дружелюбное. Занятно было наблюдать выражение лиц окружающих, когда неслись крики. Один джентльмен, изрядно выпивший, даже просил индейцев «ради бога выпустить ребенка из ящика, как подобает добрым христианам».

В конце концов путешественники опять благополучно укатили на поезде. Это удалось сделать благодаря доброте посторонних людей и их желанию помочь, что вообще очень характерно для населения восточной части провинции Квебек.

Поезд тронулся, бобры прекратили нытье, и путешественники стали наблюдать из окна новую местность. Скоро Серая Сова с беспокойством заметил, что поезд все более и более забирает на юго-восток, в густо населенные места, для охотника чрезвычайно унылого вида. Там и сям торчали отдельные деревья, в которых легко было узнать последних представителей дремучих лесов, когда-то покрывавших весь этот край. И невольно, конечно, эти одинокие деревья возвращали мысль индейца на

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru себя самого, тоже как на одного из последних представителей когда-то могучего племени.

Великая река св. Лаврентия в нижнем своем течении резко отделяет дикое нагорье от более культурной низменности. И когда поезд пересек реку и стал по низменности катиться все дальше и дальше на юг, тоска по родине взялась мучить странников леса с большой силой; им казалось, они теперь навеки отрезали себя от родины и друзей. Было очень похоже на сказочную расстань; казалось, досталось им идти по гибельному пути, и путь назад был отрезан. В это время окончательно вскрылось гипнотическое влияние рассказов Джо Айзека, а быстро бегущие колеса поезда уносили все дальше и дальше, в глубь неведомой, чужой страны с такой неумолимой силой, что невольно судьба людей, увлеченных своей мечтой, сближалась с судьбой диких животных, пойманных в лесной чаще, упакованных в ящик и отправленных неизвестно куда.

Мало ли где приходилось ездить Серой Сове в поезде и тоже так, из окошка, разглядывать чужие, неведомые края! Ведь он был даже в Европе, на войне. Но все эти путешествия были так или иначе обеспечены кем-то и теперь, в сравнении с этим настоящим путешествием, казались очень легкими. Да, это вышла, во всяком случае, не увеселительная поездка и в сравнении с теми поездками была похожа на битву – действительную битву на передовых позициях в сравнении с битвой на экране в кино.

Мысль о пропитании тоже совсем иначе сверлит душу, если приходится думать не только о себе, но и о судьбе связанных с тобой существ. Будь то лес кругом, индейцу бы не было жутко: в лесу он всегда добудет себе и своим близким трем существам пропитание. Но что делать в безлесной населенной местности человеку, совсем к ней не приспособленному? И чем дальше и дальше поезд удалялся на юго-восток, тем Серой Сове ясней и ясней становилась неразумность этих поисков страны непуганых птиц и зверей в населенной местности с опустошенными лесами.

Анахарео, подняв голову от ящика с бобрами, вдруг поймала озабоченный взгляд Серой Совы.

– И о чем ты так беспокоишься? – сказала она. – Непременно как-нибудь мы да выпутаемся.

– Да ты посмотри только, – ответил Серая Сова, – погляди в окошко, – так ли выглядит страна, где добывают зверей!

А поезд все больше и больше забирал на юг.

– Поезд переменит направление. Я готова спорить, что Темискаута вся покрыта лесами.

Тогда Серая Сова сказал как только мог веселей и спокойней:

– Может быть, может быть, и правда – скоро будут леса, а что мы выпутаемся из трудного положения, то и я в этом совершенно уверен.

Пришла в голову мысль поговорить с кондуктором о местности: может быть, он хоть что-нибудь знает и скажет, куда несет поезд лесных жителей с их бобрами. Серая Сова нашел это должностное лицо возле киоска газетчика. Кондуктор оказался добродушным человеком с оптимистическими взглядами.

– Вам, – сказал он, – выдан билет до Кобано, и все ваше имущество в багажном вагоне следует тоже до этого пункта. Ну, вам тут нечего особенно раздумывать: местность эту я знаю, она вовсе не так уж плоха. Может быть, там и неважная охота, – этого я не могу сказать, – но люди там отличные.

И, подумав немного, добавил:

– Если вы ищете лес, то лесов там прямо уйма. Вот то-то и плохо, что там слишком много лесов.

Слишком много лесов!

– Ну как? Что сказал кондуктор? – спросила Анахарео, когда вернулся назад ее

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru муж.

– Говорит, что там слишком много лесов, – ответил Серая Сова. – Пустая болтовня. Наверное, воображает, что несколько миль тополевой поросли называются лесом.

А фермы, города, шоссе и дороги так и мелькали, так и мелькали в окне, и бедные индейцы, тесно прижавшись друг к другу, сидели на скамейке и со стесненным сердцем вглядывались в эту страну, столь не похожую на родной дикий и любимый север. Здесь индейцы были, правда, как рыба на сухом берегу. И два маленьких звереныша у их ног были единственной живой связью с родным лесом и водой, и никогда раньше не казались они столь близкими им существами. И представлялось индейцам, что ехали не два человека и не два животных, а ехали и скитались в чужой стране четыре друга.

Пришлось еще раз пересечь в Ривьер-дю-Лю, и хотя отсюда поезд двинулся на юг, прямо как по компасу, вид из окна становился более утешительным: показались далекие пурпуровые, покрытые лесом холмы, и время от времени блестели озера.

Между тем бесконечное путешествие стало серьезно расстраивать самочувствие маленьких зверенышей. К счастью, симпатичный кондуктор разрешил нарушить поездные правила – ввиду того, что вагон был почти что пустой, и маленьких пассажиров выпустили свободно гулять по вагонному проходу. После того кондуктор еще посоветовал перейти всем с бобрами в товарный вагон, где воздух был много свежее. И когда путешественники, послушавшись доброго совета, перешли и напоили бобров свежей водой прямо из холодильника, зверушки ожили. И так с ними бывало всегда: вода и свежий воздух их оживляли больше, чем пища.

Благородный дух старого Квебека стал сказываться и в поезде: узнав, что бобры всю дорогу почти ничего не ели, и люди тоже не ели, волнуясь за своих друзей, поездная бригада всех, и людей и зверей, отлично покормила, отдав, наверно, большую часть своего обеда.

Такое дружелюбное отношение и вид большого Темискауатского озера с высокими зелеными горами на другом берегу освежили и людей, как зверей освежили вода и воздух. А когда приблизились к месту назначения, то увидели, что, начиная от восточной части озера и куда только можно было бросить взгляд, был наконец-то настоящий лес.

Серая Сова погрузил все свое снаряжение в фургон, который должен был доставить его к озеру. Город оказался маленьким, но сразу было видно, что это город лесной. На этом берегу, правда, были все фермы, но дальше, за водой, места были совершенно в индейском вкусе, и можно было понять, что их очень много. Стало много веселей, но тревога все-таки совсем не могла оставить путешественников: провизии было на месяц, а кормиться нужно еще целую зиму, пока охота не принесет своих плодов. Все зависело, конечно, от получения аванса под охоту.

Итак, заплатив хозяину фургона, Серая Сова подсчитал свой капитал и положил его весь обратно в карман куртки из оленьей кожи: весь этот капитал состоял из одного доллара и сорока пяти центов.

«ГОРОД-КОНСЕРВ»

Город Кобано – это большая деревня, очень типичная для французской Канады просторная деревня, раскинутая с заветренной стороны старого лесистого горного кряжа.

Тут приезжего не испугает холодное городское равнодушие. В этом милом солнечном местечке у людей вовсе не было того измученного выражения на лицах, какое видишь обыкновенно у горожан. Даже обрамленные рядами деревьев тротуары и непритязательные, но изящные дома по-своему выражали доброту хозяев. Главной достопримечательностью города был, конечно, лесопильный завод, без которого город вообще не имел бы никакого смысла существования. Каменная церковь на холме стояла так высоко, что казалось, будто под кровом ее собирается все население.

Приезжие шли по городу рядом с телегой, в которой было погружено их имущество. Им встречалось много народу, и разговор всюду был слышен на одном французском языке. Английской речи вовсе не было слышно, и Серая Сова поднимал в своей памяти те приблизительно сорок французских слов, которые он усвоил когда-то во время европейской войны.

– Индейцы! Дикари! – разобрал он долетевшие до него слова.

Индейцы явно интересовали всех встречных. Но, при всей откровенности их любопытства, даже особенного, пристального внимания к приезжим, назойливости, свидетельствующей о невежливости, не было. Наоборот, вот какой был характерный случай: один раз, когда индейцы хотели пробраться через группу людей, забывших в оживленной беседе, что они загородили путь идущим по тротуару, они, вдруг завидя индейцев, опомнились, расступились, женщины кивали головами, мужчины раскланивались.

Дальняя часть восточного берега была покрыта уймой лесов без всяких видимых признаков человеческого жилья. Там где-то и была Тулэйди: врата в страну непуганых птиц и зверей. Туда! Конечно же, туда, как можно скорее, чтобы там, у края лесов, раскинуться лагерем, и отдохнуть, и собраться с новыми силами! Так вот люди обыкновенно из лесу стремятся поскорее добраться до гостиницы и там принять ванну, заказать обед в ресторане, а эти индейцы из благоустроенного города стремились к лесному уюту. По бурному озеру катились валы, и пассажиры, сидевшие на пароме, стали беспокоиться за судьбу индейцев: можно ли по таким волнам плыть в хрупком каноэ! Однако эти индейцы им скоро показали, что каноэ может плыть не только по тихой воде, но и там, где никакое другое судно не может проплыть.

Паром назывался «Св. Иоанн Креститель» («Св. Джон»), как и все в этой стране называлось именами святых. Он ходил одну милю через озеро и служил соединительным звеном между Кобано и дорогой в другой, значительно меньший городок – выселок. В этом выселке проживало приблизительно около ста семейств, и, как расположенный на Тулэйди, он был доступен и едущим в каноэ.

Так вот, имея в голове план как можно скорее добраться до Тулэйди, путешественники уложили все свои вещи на «Св. Джон», сами же рядом с ним пустились в каноэ Бобрам, столько времени лишенным воды, была предоставлена полная воля; но, завидев огромное пространство воды, плыть они не решились. Они просто бежали вдоль берега, время от времени бросаясь в воду и вновь появляясь на суше.

Спустя некоторое время за поворотом послышались голоса: это, оказалось, шли те самые люди, которые предостерегали индейцев от плавания по бурному озеру; они шли, чрезвычайно обеспокоенные судьбой каноэ, потому что, потеряв его из виду, они допускали возможность катастрофы. Один из них на беглом английском языке сказал путешественникам, что все они очень обрадованы благополучным окончанием плавания. Можно себе представить, какое впечатление произвела эта дружественная заинтересованность на людей одиноких, изнеможенных борьбой с мрачным предчувствием! Серая Сова даже почувствовал, будто у него как-то непривычно запершило в горле. Не находилось слов благодарности. Но французы открыли принесенную с собой корзину, начали выкладывать и печенье, и сандвичи, и конфеты. И, предлагая, уговаривали принять все это в такой деликатной, исключавшей всякую возможность отказа форме, что у Анахарео заблестели глаза, и только чуть бы еще – и по щекам у нее покатались бы росинки.

Вдруг кто-то закричал:

– Les babettes! [8]

Это бобры показали из воды и остановились на берегу с наблюдающим видом.

– Посмотрите на этих крошек! – кричали женщины и наклонялись, чтобы их приласкать.

Но почему-то женщины вдруг испугались, отскочили, бобры – за ними; потом и бобры чего-то испугались, прыгнули в озеро и ударами хвостов о воду забрызгали все общество и оживили всех чрезвычайно.

День превратился в увеселительную прогулку на берегах старой Темискауаты, и единственным тeneвым местом было только сомнение Серой Совы: не истолкует ли все это веселое общество некоторую растерянность приезжих от неожиданного внимания в том смысле, что индейцы чуть-чуть глуповаты?

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Милые люди, возвращаясь к себе в город, упросили индейцев на память о себе написать им свои имена по-индейски и по-английски и нарисовать свое животное-покровителя. Анахарео охотно изобразила свою лошадку (пони), а Серая Сова, рисуя, тоже постарался придать особенную важность своей птице – серой сове. К сожалению, от большой важности она казалась вроде как бы дохлой.

Но компания вполне удовлетворилась таким художеством и, оставив полный ящик печенья, бутылку красного вина к ужину, со словами: «Не забываете нас!» – ушла. И после того даже, когда они обогнули мыс, долго были слышны их голоса.

Куда девалось это чувство подавленности и одиночества, охватившее перед тем искателей страны непуганых зверей! А добродушные люди едва ли даже в малой степени понимали, сколько своим вниманием они сделали добра этим пленникам своего собственного воображения. Проводив веселых гостей, путешественники пришли в себя и стали быстро приводить в порядок разбросанные вещи, устраивать лагерь и на всякий случай в незнакомой местности сделали загон для бобров.

Когда озеро успокоилось, по тихой воде явился еще один гость и поднес в подарок странникам леса несколько пойманных им маленьких форелей. Он, как можно было думать, вовсе не знал английского и потому ничего не говорил, а только улыбался, кланялся и предлагал свою рыбу, стоя в лодке. Серая Сова всеми силами старался поблагодарить его при помощи того, что считал у себя французским языком, то есть разных вежливых, подходящих к случаю фраз. Слова были, казалось Сове, вполне верными и подходящими к случаю, но гость, очевидно ничего не понимая, только улыбался и кивал головой.

– Это забавно, – сказал, наконец, Серая Сова своей Анахарео в большом смущении: – я говорю вполне правильно, он же не хочет понять своего собственного языка.

– Лучше, лучше старайся! – ответила Анахарео. – Припомни все, что ты знаешь, и рано или поздно он тебя непременно поймет.

– Хорошо, в чем же моя ошибка? Ведь я же по-французски говорю и, кажется, правильно?

– Какое тут по-французски! – сказала Анахарео по-английски.

Услышав английский, гость вдруг повеселел.

– Вот и отлично! – сказал он на прекрасном английском Серой Сове. – Это моя ошибка! Я почему-то думал, что вы говорите на одном только индейском.

Анахарео была совершенно права: то, что Сова принимал за французский, гость-француз принимал за индейский.

В лагерь индейцев, пока они стояли на берегу Темискаваты, приплывало на лодках много гостей, и некоторые в своем местечке были даже и важными гражданами. И, видимо, их влекло к индейцам не одно, свойственное людям любопытство – нет! Можно было понять, что они как хозяева здесь считали своим долгом так устроить чужеземцев, чтобы те чувствовали себя на чужбине по возможности, как у себя дома. Гости даже привозили дары: одни картофель, другие – вино. Кто-то даже надавал адреса лиц, с которыми, по его словам, не мешало бы познакомиться. Торговец мехами из соседнего города приехал с предложением продать ему бобров за такую сумму, с которой можно было бы прожить до Нового года. И что бы там ни было – любопытство, дело, дружелюбие, – почти все были вежливы и внимательны. Один или два инцидента были, конечно, и рассказу совершенно без всяких неприятностей никто бы и не поверил. Но, в общем, хорошее отношение французов для Серой Совы было совсем неожиданно. Да, слишком много пришлось ему перенести от французских дезертиров в 1917–1918 годах – отвратительных людей, наводнивших канадские леса, шкурятников, истреблявших всякую дичь. Французы-дезертиры, с их живым темпераментом, легко поддались самым скверным влияниям и превратились в омерзительные существа. И вот после таких-то французов Серая Сова попадает к французам строго аристократического Квебека, с тремя столетиями за спиной. Тут люди в благоприятнейших условиях как бы консервировались и не могли испортить свой природный характер. Кто знает, какие они люди были в своем существе и как они в глубине души относились к лесным скитаниям индейцев, – не все ли равно? Серая Сова столько горя хлебнул и у себя на родине, в опустошенных лесах, и на войне цивилизованных народов, что если приходили к нему люди с улыбающимися

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru лицами, то этого было вполне довольно.

«МАННА НЕБЕСНАЯ»

Если бы появились охотники-индейцы где-нибудь в северном пушном промысловом районе, то спекулянты пушниной давно постарались бы снабдить их продуктами в долгосрочный кредит. Но здесь никто и не думал об этом, и в городе даже не было никаких признаков учреждений, занимающихся скупкой мехов. Надо было полагать, что местные лавочники и понятия не имели о таких операциях, как выдача аванса под охоту. Между тем время все двигалось к охоте, и в воздухе уже кружились осенние листья.

Как же все-таки быть-то? Где достать денег? Занялись пока что сбором сведений об этой стране по источникам более надежным, чем прежние заманчивые рассказы Джо. Таким образом, узнали, что лес, начинающийся на гребне горы, похожей на спину слона, тянулся от устья реки Тулэйди до самого Нью-Брунсвика и почти до Атлантического океана. Все это было очень хорошо, но только мистер Джо, приманивший своими яркими рассказами охотников в эти края, в свое время нарисовал картину местности несколько иначе, чем она была на самом деле. Охотничьего участка у него никакого не было, а была только хижинка. И лодочного флота тоже не было. Пушные звери вовсе не причиняли никакого вреда населению, и разве только олени иногда трогали сено. Что же касается кошек-людоедов, то у кого-то был дедушка, а у бабушки этого. Но не стоит докапываться до той правды, которая отнимает охоту у талантливого рассказчика повторить свою легенду еще раз какому-нибудь легковверному своему слушателю.

На одном ирландском пароходе люди, знавшие все окрестности вдоль и поперек, рассказали Серой Сове, что если отправиться отсюда миль за сорок или пятьдесят, то, может быть, и удастся раздобыть несколько норок, лис и одиночных выдр.

Они тоже утверждали, что и бобры были, несколько семейств, на очень больших друг от друга расстояниях. На них-то, конечно, на этих бобров, и был смысл охотиться, но Серая Сова зарекся истреблять бобров и нарушить свое обещание не мог. Из этих, теперь уже бесспорных сведений одно становилось ясным, что свое торжественное обещание не убивать никогда бобров Серой Сове придется выполнять в не очень-то легких условиях. Но мысль о создании бобровой колонии не покидала его, согревала и давала возможность мечтать и строить планы на будущее: правда, зачем унывать, если не одни только бобры доставляют пушные товары, – можно жить и другой пушниной. Но так именно жил и поступал каждый охотник, каждый вкладывал в свое дело много-много труда, каждый много-много видел на своем веку и каждый много-много радовался жизни. Сколько ни ставь на карту, много ли, мало ли, результат выходил почти одинаковый. Серая Сова за все время своих скитаний еще ни разу не видел такого охотника, который, много поработав, к старости стал бы покойно жить на свои сбережения.

Есть леса, есть звери, – и ладно! Но вот новые тревоги появились на горизонте искателей страны непуганых зверей. Ни с того, ни с сего, вдруг почему-то начали лысеть бобры, и со скоростью чрезвычайной. Днем и ночью они непрерывно терлись, чесались, выдирали целые пригоршни шерсти и в короткое время сделались такими же голыми, как змеи, и только на середине спины оставались узкие гривы, недоступные для вытирания. В таком виде бобры несколько напоминали изображения индейцев с выбритыми головами в исторических книгах. Как раз родичи Анахарео в особенности любили приводить себя в такой вид, за что Серая Сова и Анахарео теперь стали в шутку называть своих бобренков Маленькими Ирокезами. Болезнь была, однако, вовсе не шуточная. Ирокезы сделались беспокойными, отказывались от еды, избегали воды: все очень скверные признаки для этих животных. Пришлось обратиться к врачу, и он, осмотрев бобров, посоветовал переменить корм, так как, по его мнению, овсянка перегревала кровь, отчего они могут даже и умереть. Так что дело с бобрами было неважное: зима на носу, а они вовсе без шуб. Доктор оставил баночку мази, успокаивающей чесотку, и рекомендовал кормить бобров патентованными средствами для кормления маленьких детей. Ни за совет, ни за лекарство доктор не взял ничего и сказал на хорошем школьном английском языке:

– Я старый солдат и никогда не беру деньги с товарищей. Когда заболите, идите прямо ко мне, и это вам ничего не будет стоить. Я всегда ваш друг.

Вот повезло! У Серой Совы всего-навсего было тридцать центов. С этими деньгами он отправляется в лавку в надежде, что их хватит на патентованное средство. Как раз в этот день он решился, наконец, где-нибудь занять денег, – где-нибудь, все

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru равно, только бы дали.

– Soixante et quinze![9] – сказал лавочник, выкладывая лекарство.

Серая Сова посмотрел на лекарство и подумал, что с таким же успехом он мог сказать и семьдесят пять долларов. Между тем там, на берегу озера, два несчастных, больных существа ждали этого лекарства. Но когда положение становится безвыходным, откуда-то берется и храбрость.

– А нельзя ли в кредит? – спросил Серая Сова.

И принял вид человека, вполне заслуживающего доверия, хотя внутри себя чувствовал, будто он падает и ему при этом наносят последний удар.

– Mais certainement, monsieur.. Ensuite?[10]

Серая Сова повернулся к Анахарео, у которой, как ему сейчас казалось, слух к французскому был лучше.

– Что такое он говорит? – спросил он.

– Еще что-нибудь угодно? – спросил лавочник во второй раз.

Серая Сова изумленно сжал пальцы, потрогал прилавок, переступил с ноги на ногу и охотно прочитал бы молитву, если бы знал хоть одну. По всему выходило, что торговец сам напрашивался, и Серая Сова вдруг, наконец-то, понял, что ему сейчас надо хватать быка за рога.

– В ближайшее время, – сказал он, – я отправляюсь охотиться на Тулэйди. Мне нужен запас провизии на зиму.

– В какое место реки?

– На рукав Хортон.

– Прелестное место! – сказал лавочник.

А Серая Сова, кроме Хортон этого, и не знал ничего.

После того лавочник, достав книгу заказов, взял карандаш и стал записывать в нее все, что нужно было Серой Сове. В конце концов, выходя из лавки, Серая Сова имел еще сто двадцать долларов сверх провизии на конец зимы. На улице Анахарео сказала:

– Сегодня мы должны раскупорить нашу бутылку шампанского.

Вернувшись в лагерь, индейцы нашли своих маленьких бобров в том самом виде, как их и оставили жалкими, молчаливыми, голыми, слабыми. Бывало при встречах после разлуки они так комично скакали, – где тут! А когда им открыли загон, то они вовсе даже и не захотели оттуда выходить. Стали втирать лекарство в их шелудивые тельца это вызвало новое раздражение кожи, они стали еще больше чесаться и тем самым втирать в себя мазь еще глубже. После того им предложен был отвар из патентованного укрепляющего средства. Бобры – из тех животных, которым ничего нельзя делать насильно, и вот почему Серая Сова и Анахарео облегченно вздохнули, когда бобры, предварительно обнюхав и несколько раз испробовав, принялись есть, и съели порядочное количество. В тот же самый день к вечеру их самочувствие значительно улучшилось, и они опять отлично ели. А через несколько дней к ним вернулось в значительной степени их прежнее бодрое состояние духа. Редко можно встретить других животных, способных столь скоро восстанавливать свои силы, как вышло в этот раз у бобров. На основании последующих опытов Серая Сова пришел к заключению, что при том питании, которое было до сих пор, бобрята только случайно не умерли. И месяца не прошло, как они обросли шерстью, мало того, у них прекратились даже их обычные припадки сварливости.

Но мы забегаем далеко вперед в своем рассказе. После получения аванса Серая Сова дал сроку только три дня, чтобы бобры стали на ноги, погрузил в каное половину запасов провизии и ясным осенним утром снялся с лагеря.

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
В воздухе пахло морозом, над водою стлался легкий туман, слетали золотые и багровые листья. Отважная четверка двигалась вперед, за холмы, в далекие леса, в страну непуганых птиц и зверей.

«ХОЛОДНАЯ ВАННА»

Река оказалась не из глубоких и в то же время без тех частых бурных порогов, на которых так привычно работать обитателю лесов северной Канады. Довольно часто приходилось плыть впритычку, упираясь шестью о дно. Это, конечно, не представляло особенных трудностей и опасностей, но стоять часами в каноэ, как требуется при этом способе передвижения, настоящему, природному гребцу, каким был Серая Сова, было чрезвычайно надоедливо. Плыть приходилось против течения в перегруженном каноэ, так что на восемь миль до цепи озер Тулэйди пришлось истратить весь день. Здесь, наконец-то, можно было сесть в лодку и грести обычным приятным способом! На второй день в полдень по тихой воде странники приплыли в поселок, где можно было все разузнать о дальнейшем пути.

На окраине поселка жили люди, все знание мира которых ограничивалось районом их крошечных ферм и наставлениями их духовников. Те, кого правильней всего назвать передовыми людьми их общества, были добры, радушны и прогрессивны. Один из них был до того даже предприимчив, что, имея всего одну только руку, разбирал на части старые автомобили и делал из них моторные сани. Кроме того, он выстроил маленькую электростанцию и завел собственный паром на Темискауате. Но встречались и такие, что на проходящих индейцев глядели через едва приоткрытые окна и двери. Иные же, увидев индейцев, от избытка любопытства застывали с выпученными глазами. Те же граждане, которые ехали навстречу, повертывали своих лошадей и затем медленно ехали рядом с индейцами, рассматривая их в упор широко открытыми глазами.

На берегу был склад, принадлежавший владельцу мельницы, и тут удалось сдать на хранение провиант, а из расспросов выяснилось, что ехать нужно еще миль за тридцать к устью реки Стоуни Крик. Там у верховьев реки было озеро, рекомендованное как хорошее место для жизни. Как говорили, там должно быть некоторое количество норок, выдр и лисиц, кроме того, в этом же озере жила семья бобров, быть может даже и единственная во всем районе. Единственная! Слышать об этом Серой Сове было странно. Какой путь проделан в страну непуганых зверей, чтобы услышать это: единственная на весь район! Казалось, что чем больше углубляешься в действительную географическую страну, тем скорей спешат разлетаться птицы, разбегаться звери, тем дальше и дальше отступает страна непуганых птиц и зверей. Вот еще тоже «хорошим» сюрпризом было узнать от местных жителей, что дальше река эта разделяется на два рукава, отчего становится очень мелководной и быстрой: в нагруженном каноэ ехать там и думать нечего. Как же быть? Оказалось, груз следовало отправить на лошади по лесной дороге вдоль берега реки. Перевозка стоила десять долларов, которых не было. Казалось, можно было бы впасть в уныние от такого сюрприза, но уныния отчего-то и вовсе даже не было у лесных странников. Как и все лесные существа, живые и бодрые, они были исполнены веры в жизнь, в то, что будет день – будет и пища, будут и деньги, и десять долларов откуда-нибудь да явятся.

Случилось, во время возвращения за остатками не вошедшего в каноэ имущества наши индейцы заметили красную лисицу, которая как раз в это время вздумала переплыть на ту сторону реки. Она уже почти достигла противоположного берега, как вдруг совсем неожиданно для нее из-под яра показалось каноэ. Так бывает с курицей на шоссе, когда наезжает на нее автомобиль: ей надо бы броситься вот к этому близкому краю, а она бросается в длинный путь, по которому пришла, и, конечно, попадает под колеса машины. Так и всякий зверь при опасности спешит на лежку, да и сам человек – может быть, по тем же самым законам природы – стремится на родину. Лисице оставалось сделать небольшое усилие, и она бы спаслась, но, завидев внезапно каноэ, она повернула назад. Ее, конечно, очень легко настигли, поймали и посадили в мешок. И нужно же так, что эту живую лисицу удалось сейчас же продать как раз за десять долларов!

Торговец, купивший лисицу, был тот самый, который старался когда-то купить бобров. Подумав, что индейцы начали распродаваться, он опять принялся торговать бобров и поднял цену до ста долларов наличными. Торговец был чрезвычайно настойчив, отвязаться от него было до крайности трудно, и все-таки пришлось бобров отстоять. Каждый из них теперь весил уже по восьми фунтов, хотя, вследствие недостатка движения и особенно плавания, нормального для своего возраста веса они еще не достигли. Но зубы от этой недохватки в развитии тела

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru ничуть не пострадали. Свой ящик, обитый жестью, они уже переросли, и в связи с этим возник трудный вопрос, как их перевозить. Вот из-за этой-то тесноты ящика случилось, что однажды при переезде через озеро бобры вывалились в воду, и пришлось потерять почти полдня в ожидании, когда они наконец соизволят пожаловать обратно в каноэ. Снег уже лежал на земле, в затишных местах вода подергивалась льдом, надо было очень спешить, и невозможно было растрачивать по полдня времени на ожидание бобров. И вот тут пришла в голову «гениальная идея»: бобров посадили в жестяную печку, устроенную в виде продолговатого ящика, при этом, конечно, туго привязали кружки и крепко заперли дверцу. Кормили же их через отверстие для трубы, откуда перед едой несся столь знакомый длительный и громкий крик. Это остроумное изобретение было самым удобным приспособлением из всех, какие только были испробованы: ночью, когда печка нужна была самим хозяевам, бобры шныряли в воде; днем, когда надо было двигаться, бобры исчезали в печке и входили в состав обычного груза. К этой печке бобры очень скоро привыкли и послушно отправлялись спать в свой жестяной дом, на постели из веток. Однако из-за этого же гениального изобретения индейцам чуть-чуть не пришлось навсегда расстаться со своими любимцами.

Вот как это случилось.

Устроив все для отправки груза кружным путем к устью реки, которому суждено было стать местом длительного обитания странников леса, сами они наконец-то отправились вверх по реке в каноэ. Несколько раз уже были основательные зазимки, и сама неумолимая зима была почти на носу. Каноэ быстро обросло льдом, на обитых железом шестах столько намерзло, что они сделались толстыми дубинами, шлепали по воде, разбрасывали брызги так, что борты каноэ превратились в глыбы льда, а дно – в каток. При этих условиях стоять на скользкой корме, как требуется для человека, двигающего лодку шестом, было очень трудным делом. В лодке были вещи, только самые необходимые для привала людей, для питания и ухода за бобрами. Эти немногие вещи, включая каноэ, легко можно было бы отправить вместе со всем грузом и самим идти пешком, но что-то вроде чувства собственного достоинства не позволяло унизить каноэ, позволить тащить его в позоре, вверх дном, по земле вдоль совершенно судоходной реки. Но оказалось, что и на воде можно опозорить каноэ – еще сильнее, чем на суше. Когда Серая Сова в одном очень трудном месте быстро бежавшей реки хорошенько нажал шестом, то его скользкие, как стекло, обледенелые мокасины поехали по ледяному дну каноэ, как коньки, и сам он, весь целиком, голову вперед полетел в реку. Можно было так упасть в воду, что каноэ моментально бы опрокинулось, но Серая Сова, падая, успел об этом подумать. Легкое каноэ от сильного толчка и напора воды быстро стало наполняться водой и постепенно опрокидываться вверх дном. Анахарео, конечно, при этом бросилась в воду головой вперед. После этого благополучного легкого прыжка обоим странникам леса сразу же пришла в голову страшная мысль где-то в стремительно мчащемся ледяном потоке уносятся запертые в свою железную тюрьму и бобры. Они ведь заперты наглухо и самостоятельно никак не могут спастись.

Тюки мало-помалу начали всплывать, и освобожденное от них каноэ тоже скоро должно было всплыть на поверхность. На все это странники не обращали никакого внимания: стоя до плеч в ледяной воде, они только и занимались тем, что ощупывали дно ногами. Один раз Анахарео даже была сбита с ног, но каким-то чудом очень ловко справилась с водой и опять встала. Что делать? Ведь бобр, внезапно погруженный в воду, тонет, конечно, как и всякое животное, а между тем времени прошло уж порядочно. Но скорее всего у индейцев, до плеч стоявших в ледяной воде, здорово что-то замутилось в голове, иначе как же это объяснить, что когда они очнулись, то увидели, как они ногами на дне реки ищут печку с бобрами, а в руках держат эту же самую печку, и вода из нее выливается в реку.

– Они живы, они живы! – очнувшись, закричала Анахарео.

Но Серая Сова стоял бессмысленно, сжимая в руке ручку от крышки бачка, в то время как сам бачок, наполненный салом, плотно закрытый крышкой, весело мчался на глазах вдаль по реке.

Температура была значительно ниже точки замерзания, ледяная вода резала ноги, и странники леса рисковали потерять способность стоять, что значило быть унесенными стремительной водой.

Берег был приблизительно в пяти «родах» (род равняется почти пяти метрам), но Анахарео, обдуманно пользуясь шестом, перешла это значительное при таких

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru условиях расстояние очень благополучно и опустила на берег печку со взбешенными, ревущими бобрами. После того она еще три раза выдерживала напор холодного стремительного потока и, бросаясь в воду, выносила разные вещи. В то же время Серая Сова как более сильный и опытный спасал каноэ.

К счастью, каноэ в этом случае не изменило путешественникам: пострадала только часть обшивки, брезент же был цел, и суденышко вполне могло служить в дальнейшем путешествии.

Времени у индейцев, чтобы поздравить друг друга с победой, вовсе не было. Сильно морозило, все замерзло вокруг, и одежда тоже становилась ледяной. Промокли, конечно, и сами до костей, и страшно было подумать о голых бобрах. К счастью, часть одеял в узле оставалась сухой. Серая Сова, завернув в эти одеяла Анахарео вместе с бобрами, сам бегал рысью – собрал много хвороста, развел громадный костер. Как бы там ни было, но беда прошла. Через короткое время эти же самые люди, веселые и счастливые, сидели у костра в ожидании, когда закипит чайник и зажарится на сковороде оленина.

В то же самое время водолазы уютно устроились на новых постелях в своем жестяном ящике и поедали конфеты, припасенные хозяевами для особенных случаев, из-за этих конфет у них там иногда поднимался шум и гам.

За исключением бачка и еще одного пакетика с салом, при катастрофе ничего не было утеряно; даже два оконных стекла, привязанные к стиральной доске, были найдены целыми на некотором расстоянии вниз по течению.

Часа через два путешественники продолжали свой путь как ни в чем не бывало и сожалели единственно только о том, что потеряли времени на обед не час, как следовало, а два. Большую часть ночи потом они провели за сушкой подмоченного имущества, а их лысые приятели не обнаруживали ни малейшего желания лезть в воду; очевидно, накупались достаточно. Вместо плавания свой избыток энергии они посвятили земляным работам и, прежде чем уснуть, прорыли внутри холма длинный тоннель.

«ПРИЯТНОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ»

На следующий день, еще довольно рано, странники добрались до того самого места, где нанятый возница сложил весь их провиант. И вот какой неприятный сюрприз ожидал их здесь. Те, кто рекомендовал здешний ручей, чтобы добраться по нему до района охоты, к Березовому озеру, сказали, что он был длиною в восемь миль. Это было совершенно верно, только одно они забыли сказать: что при длине в восемь миль ручей был шириною в три фута и глубиною в шесть дюймов.

Конечно, каноэ тут выходило в отставку. По суше до озера оставалось шесть миль пути, земля была покрыта снегом толщиной в полфута, и по такому-то снегу предстояло по частям перенести туда не менее восьмисот фунтов груза! Судьба решительно издевалась над бедными искателями страны непуганых зверей и создателями колонии Бобрового Народа.

Будь ровное место, такой профессиональный носильщик, как Серая Сова, не стал бы и разговаривать; но все это место до самого озера было загромождено верхушками поваленных деревьев и всяким хламом от вырубленного леса. И по такому-то пути переносить такое чудовищное количество груза.

Но делать было нечего, пришлось заняться этим истинно сизифовым[11] трудом. Серая Сова перевез все вещи на другой берег, под покровом ночи сложил их в укромном месте, на высоком берегу спрятал каноэ, чтобы до него не мог добраться весенний разлив. На другой день он размотал ремни для ношения грузов, и приятное развлечение началось.

Нести зараз можно было не более ста или ста пятидесяти фунтов, потому что приходилось все время или перелезать через поваленные деревья, или пробираться через непролазную чащу зарослей, а также еще бороться и со снегом. Каждый шаг до остановки доставался с борьбой. Остановкой же у индейцев называется удобное место, где сбрасывается груз. Это обыкновенно делается через шесть – восемь минут ходьбы, потому что с хорошим грузом именно столько минут может идти человек без утомления. По дороге назад за следующей порцией груза он восстанавливает свои силы. Этим способом, индейцы считают, можно скорее и больше перенести груза, чем если брать груз меньший и нести его до конца.

Карабкаясь через скользкие от снега стволы деревьев, пробиваясь через путаный кустарник, проваливаясь в прикрытые снегом ямы, искатели счастливой страны ходили вперед и назад, с грузом и без груза, весь день без разговора, без отдыха, кроме того только, что в полдень чаю напильсь. Лишь с наступлением темноты наконец-то вернулись они в лагерь, мокрые от пота, усталые и голодные, но удовлетворенные сознанием успешно выполненной работы: перенесли груз весом в восемьсот фунтов на расстояние полумили.

«СЧАСТЛИВАЯ НАХОДКА»

На следующий день так хорошо уже не работалось: лесные завалы были так велики, что не было отдыха даже на обратном пути, без груза. В некоторых местах по вырубке идти было совсем невозможно, в таком случае шли по дну ручья, ступая с камня на камень или же по смеси льда и воды. Наконец, чтобы время даром не пропадало, пришлось пожертвовать днем и проложить дорогу. В течение третьего дня, к концу его, в стороне от ручья удалось найти заброшенную тропу, и трудности ходьбы кончились. Правда, продвинулись только на милю, но все-таки теперь работа стала иной. Явилась охота даже к своего рода рационализации труда: тюки разделили на более легкие и тяжелые; для легких грузов остановки сделали реже – с ними удобнее было разведывать путь для тяжелых нош.

На четвертый день лагерь со всем имуществом был перенесен несколько вперед от последнего пункта, а ночью весь переносимый груз значительно уменьшился: из трех мешков картофеля два промерзли, и еще промерзло фунтов пятьдесят луку, так что теперь более двухсот фунтов не нужно было уж больше носить, и в этом было, что бы там ни говорили, хорошее утешение. Одно было все-таки жаль: что дурацкая картошка не замерзла дней пять тому назад.

Бросалось в глаза, что вся эта местность была недавно покрыта большим лесом, и оттого можно было надеяться на близкие нерубленные места. И еще больше бы приободрился Серая Сова, если бы показались следы каких-нибудь пушных зверей. К сожалению, вокруг ничего не было, кроме следов оленей, чрезвычайно многочисленных. Во всяком случае, обилие оленей было тоже неплохо: это значило, что охотник будет хорошо обеспечен свежим мясом, а у сытого и удача должна быть, – как же иначе? Около дороги стоял старый деревянный барак, в который путешественников загнала непогода. В этом бараке нашли бочонок емкостью более чем в сто литров и в полной сохранности. Много радости доставила труженикам эта находка: бочонок мог быть превосходной спальней для бобров и не был мертвым грузом, потому что во время переходов в него удобно класть еду и разные мелочи.

С тех пор как индейцы расстались с ручьем, бобры не делали никаких попыток бродить по ночам и спали с ними под одним одеялом. Они ложились каждый к плечу своего шефа головой, нос прижимали к шее, и, если шеф двигался, сердито дули носом, пыхтели, иногда и храпели. При такой непомерной работе, какая выпала странникам леса в эти дни, легко могло случиться, что в непробудном сне кто-нибудь навалится на бобра всем телом и задавит его или даже просто сам бобр задохнется под одеялом. Вот почему найденный бочонок был истинным счастьем: в нем и безопасно и тепло, и, казалось, вследствие вогнутой поверхности, едва ли бы они могли его так скоро разгрызть. Но как только бобры попали в этот бочонок, из которого они не могли выглянуть, и почувствовали себя в неволе, в заточении – как же страстно они запротестовали, какой ужасающий подняли вопль! Люди, конечно, им уступали и вынимали из бочонка, но они и сами, не будь плохи, очень скоро на середине высоты бочонка прогрызли себе квадратное отверстие. Они любили возле этого отверстия стоять, по-своему тут, у ветерка, болтать, а то вытянут оттуда руки и выпрашивают чрезвычайно любимые ими оладьи. А что за потеха, когда они сами высунутся оттуда и с курьезной жестикуляцией стремятся что-то сказать на своем языке, звучащем иногда совсем по-человечески! Иногда же они из своей дырки смотрели с выражением такого страстного любопытства, какое можно наблюдать только на железнодорожной станции у людей, глядящих на мир из окошка поезда. Поймав однажды это выражение на лицах бобров, индейцы стали их звать не Ирокезами, как раньше, а Иммигрантами, и эта кличка осталась за ними надолго.

Вскоре бобры полюбили бочонок и признали его за собственный дом. Когда им хотелось из него выйти и погулять, они подгребали подстилку в сторону отверстия и выпрыгивали на подставленный ящик и по этому ящику так же и возвращались назад. Они много спали, но, проснувшись, умели наверстать все проспавшее – до того были проказливы! Кроме того, они были невероятно самовольны, упрямы, настойчивы в достижении своих целей, будь то изучение ящика с бакалейными

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru продуктами или сокращение числа домашних вещей. Всякое противодействие в них вызывало только новые пароксизмы решимости довести свое дело до конца или привести в исполнение многочисленные свои затеи, для осуществления которых набитая вещами палатка давала столько возможностей. И если они все это проделывали еще будучи совсем молодыми, то чего же можно было хорошего ждать в будущем, когда они сделаются еще более изобретательными!

«ПУТЬ ЧЕРЕЗ БЕЗДНУ»

Маленькие бобры своим паясничаньем, перебранками и болтовней вносили веселье в жизнь индейцев, покинувших свою родину. Если бы теперь, когда они так глубоко вошли в жизнь людей, представить себе внезапную утрату их, то без этих животных у людей осталась бы такая пустота, какую заполнить было бы трудно до крайности. Люди теперь даже начали иногда удивляться, как только могли они раньше жить без этих пронзительных криков, которыми их встречали животные после рабского труда по переноске вещей. Возвращаясь домой, люди развлекали себя, обсуждая и гадая, какие новые проказы затеяли звери в их отсутствие. Но ни для какого, даже волшебного воображения нельзя было представить то, что они придумают сделать в отсутствие хозяев. В первый момент открытие какой-нибудь их проказы, конечно, мало доставляло удовольствия: печка опрокинута, тарелки исчезли с обычных мест, пресные лепешки, только что приготовленные, перегрызены и превращены в бесформенную массу. Но все это после первого потрясения в конечном счете, оказывалось, не имело серьезного значения. Было что-то бесконечно трогательное в привязанности этих зверушек друг к другу и в полной зависимости их от людей. Бывали моменты, когда их нежность к людям и уступчивость как будто не имели ничего общего с их поведением, с их отношением ко всему другому. Обычно они относились к своим покровителям, как будто те были существа одной с ними породы. Ко всякому постороннему вторжению в их жизнь они относились враждебно. Вот раз вздумалось ласке посетить палатку. Один из бобров это заметил и попытался лапой своей угостить ее хорошей затрещиной. Однажды Серая Сова внес в палатку тушу молодого оленя, чтобы она тут оттаяла. Бобры приняли эту «дичь».. за врага и всю ночь с ней храбро сражались.

Трудно себе представить другие существа, которые могли бы так приспособиваться к новой среде, и только этим можно объяснить себе, что они счастливо выжили в таких суровых условиях. Конечно, они были животными с одинаковой потребностью воды и суши, но если не было много воды, то они довольствовались только одной единственной чашкой, поставленной возле их гнезда. Курьезно, что ведра возле них нельзя было ставить, – напротив, ведро надо было держать от них как можно дальше, потому что они его принимали за отверстие и прыгали туда, как в прорубь, со всеми последующими из этого неприятностями. Не имея возможности набрать себе теперь подстилки из-под снега, который был не менее фута толщиной, они собирали возле печки хворост и превращали его в стружки.

Как только лагерь был перенесен на другое место, они тоже, конечно, приступили к работе для своего в нем устройства. Ни в чем не уступая людям в умении использовать всякий материал, который находился под руками, они строили баррикады, выискивали подстилку, а иногда, если было не очень уж холодно, срезали молодые тополевые прутья и приносили их домой для пищи. И часто случалось, когда люди и звери вместе работали, что те и другие сталкивались, и не раз людям приходилось стоять с охалкой дров в руках или с ведром воды в ожидании, пока бобры тоже протащат в дверь свою ношу. Они прекрасно приспособлялись к условиям погоды. Когда бывало тепло, они бегали по палатке, никогда не покидая ее без крайней надобности; если было холодно, они оставались в своем бочонке и закупоривали отверстие. В таком случае люди обыкновенно закрывали их крышкой и о них уж больше не думали.

Становилось мучительно холодно, и по ночам даже лепешки замерзали накрепко. С каждым днем снег становился все глубже, но пользоваться лыжами все-таки было невозможно: с грузом за спиной на вырубке переломаете всякие, даже самые хорошие лыжи. Трудность работы быстро возрастала, а свертывание и установка лагера на снегу превращались в регулярное мученье, гораздо большее, чем самая переноска. Дело в том, что палатка, вечно мокрая от тающего на ней снега, замерзала в ту же минуту, как погасала печка, становилась твердой, как дерево, и сложить ее было так же трудно, как если бы она была железная. Постоянная тяжелая работа, наконец, стала сказываться на людях, и Анахарео совсем изнемогла. С большим трудом Серая Сова наконец-таки отговорил ее от переноски груза, ссылаясь на то, что теперь для бобров нужно всю ночь поддерживать огонь.

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
К счастью, везде вокруг было множество хороших дров.

Время шло, приближался сезон осенней охоты. Серая Сова в удобных местах поставил ловушки, чтобы, на худой конец, хоть в одну что-нибудь попало. Но ничего не попадалось в ловушки и никак не могло попадаться, потому что с тех пор, как странники леса покинули поселок, нигде не попадалось следов и не было никаких признаков пребывания здесь каких-нибудь пушных зверей. Это путешествие, на основании непроверенных слухов, начинало казаться все более и более безнадежным. Утешало только одно: что за десять дней переноски груза была исследована сравнительно совсем ничтожная часть территории, и можно было надеяться, что впереди непременно будут следы. Бывали дни, когда продвигались вперед всего лишь на несколько ярдов: работать-то ведь теперь приходилось одному Серой Сове, а тут того и жди – еще хватит непогода и дорога сделается невозможной.

Однажды явилось даже сомнение в правильности взятого направления: приведет ли еще этот путь к Березовому озеру? Разведка впереди не обнаружила никаких даже признаков Березового озера, и вообще никакого там, впереди, не было озера, а все та же самая унылая вырубка. Так оказалось, что направление было взято неверное, и Серая Сова решил вернуться назад, к ручью, и оттуда пройти вверх вдоль него до озера и наметить хорошую дорогу назад, к лагерю. Оказалось, там, к северу, местность быстро понижалась, обнаружилось наличие озерных формаций. Пробив себе путь по болоту через густейший кедровник, какой только бывает на свете, Серая Сова вышел к узкому водоему длиной не более полумили. И тут, оказалось, в самом деле, жила семья бобров, которая запрудила выход воде и так создала из обыкновенного болота это озеро. Дальше озера не было никаких заготовок и начинались леса – открытие самое приятное! Дорога через болото шла по еще незамерзшему торфу, хотя и закрытому снегом, и эта часть пути была опасна для нагруженного человека. Однако все-таки путь этот был совершенно свободный – не было ни одного поваленного дерева, что же касается болота, то ведь оно будет с каждым днем, замерзая, все крепнуть. Так и шел Серая Сова по этой дороге, представляя себе, что он с грузом идет, тщательно выбирая, где нужно ступить, оставляя заметки в нужных местах. Шел Серая Сова по дороге, пока позволяло направление, и затем свернул на кряж, поросший лиственным лесом. Отмечая, насколько возможно при лунном свете, удобный путь, он поднялся на вершину холма над той самой равниной, где находился лагерь. Тут он остановился, чтобы чуть-чуть отдохнуть. Вокруг царил белое молчание. Дурные предчувствия угнетали душу искателя страны непуганых зверей.

Пусть все его мысли и чувства вертелись пока в кругу маленьких дел, но ведь в этой простой пустынной жизни он был человеком, затеявшим создать себе лучшую жизнь, найти лучшую страну, быть может, создать себе своим собственным усилием новую родину.

Далеко внизу он видел маленький огонек освещенной палатки, где приютились те, которыми он теперь так дорожил, единственные на свете ему действительно близкие существа, напоминавшие о безмятежных днях прошлого: ожидающая его утомленная женщина и двое крошечных сирот звериного царства.

«Неужели, – думал Серая Сова, – от всей моей мечты останется позор возвращения нищим, обесчещенным в город, принявший нас так дружелюбно и доверчиво?..»

Долго смотрел Серая Сова на маленький огонек, такой слабый, такой ни с чем не сообразный, героически все-таки посылавший свой бледный свет из самых недр опустошенного края, из дебрей, остатков поваленного и погубленного леса.

Серая Сова спустился вниз с тяжелой душой.

Но внутри палатки, куда скоро вошел Серая Сова, все оказалось светлым и счастливым. Там было так приятно покурить и понежиться в тепле маленькой жестяной печки, которая служила так хорошо! Она гудела, потрескивала, в веселье своем докрасна накалялась, а Серая Сова рассказывал о своих дневных приключениях: о том, как он нашел озеро, как открыл бобровый дом, имеющий такое огромное значение для их путешествия, высказывал полное свое удовлетворение тем, что за день он связался-таки наконец с местом, где будет устроен их зимний дом.

Мало-помалу Серая Сова вовсе забыл о своих злых предчувствиях, стал рассказывать из жизни своей до встречи с Анахарео о разных случаях, о курьезнейших оригиналах. Анахарео заливалась смехом, слушая о похождениях некоего Бангалуо

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Билла, который жил в такой тесной лачуге, что когда жарил блины и нужно было перевертывать блин, приходилось для этого высовывать сковородку в дверь наружу. А то еще было с Бангалоу необычайное приключение, когда он пошел в лес за черникой. Наполнив оба взятые с собой ведра, Бангалоу, понес их домой и по пути заметил мчащийся на него циклон. Поставив ведра, сам он бросился бежать к своему каноэ и потом оттуда глянул на ведра с черникой. Как раз в это время вихрь подошел к ведрам, всосал в себя ягоды, и вся черника из двух ведер поднялась в воздух двумя темными столбами. При рассказе своем сам Бангалоу в этом месте звучно щелкал себя по коленкам и говорил:

«Поверите ли? Внезапно вихрь оборвался, и ягоды вернулись обратно в свои ведра. Да, сэр, ни единая ягода не пропала!»

Оглушительный смех после этого рассказа возбудил любопытство в бобрах; через окошко своего бочонка они вылезли и стали бороться среди обеденных принадлежностей. Опрокинулся бачок с тарелками, и пошла у них уже настоящая драка из-за этих тарелок, а у людей – веселье.

«ФЛАГ СЕРОЙ СОВЫ»

Все на свете имеет конец, и даже сизифова работа однажды, перед самым наступлением темноты, была закончена, и решительно все, до последнего фунта, до последнего пакета, лежало на берегу Березового озера. За неимением саней, или тобоггана, странники леса при свете костра соорудили нечто вроде нашего клина, посредством которого в некоторых местах у нас еще до сих пор расчищают на шоссе снежные заносы. Погрузив на этот клин все лагерное снаряжение вместе с бочонком, они потащили его во мраке по малонадежному льду к тому самому месту, где жили бобры и где Серая Сова заранее облюбовал местечко для лагеря.

В эту ночь искатели счастья в лесу погрузились в такой праведный сон, какой немногим дается: завтра им не надо будет пробивать себе путь по вырубке, завтра замерзшие ремни от груза не будут давить на онемелые плечи, завтра там, на постоянном местожительстве, не надо будет разбирать лагерь, прикованный к снегу жестоким морозом, завтра не будет такого рабского, напряженного труда.

Среди ночи, когда все спали, Серая Сова проснулся от напора нахлынувших мыслей. Он поднялся, открыл дверцу печки и, сидя в ее свете, курил и размышлял. Свет из узкой дверцы падал на усталое лицо Анахарео – этой женщины, с такой отвагой и верностью отдавшей борьбу с такими тяжелыми испытаниями. Какие узы брака, какое чувство долга могли бы сравниться в своей силе со стальной силой, связавшей этих двух товарищей, которые бок о бок бились и одержали победу над невыразимыми бедствиями!

В то время как Серая Сова так думал, Анахарео зашевелилась и в полусне сказала:

– Мы больше не пойдем носить груз по снегу, нет! Совсем не будем. Мы дошли.

– Да! – ответил Серая Сова, выпуская клуб дыма.

– Мы дошли! – повторила она.

И, улыбнувшись, заснула.

А Серая Сова все курил и думал о будущем. Дошли, конечно, дошли, но куда? Предстояло строить хижину на выбранном чудесном участке, в роще из величественных сосен, среди которых было несколько скромных изящных и нежных берез. Несказанная красота и величие окружающей природы на первых порах как бы несколько подавляли людей, открывая им взгляд на самих себя, как на жалких карликов. И в то же время сила мощного леса тут же чарует, заставляет забыть, что буржуазная цивилизация тут где-то, совсем близко, что всего лишь в нескольких милях отсюда начинаются унылые развалины леса из пней и сучьев.

Но раздумывать, особенно над ходом цивилизации, не было времени. Начиналась вторая неделя ноября, и глубина снега была больше фута. Надо было спешить с постройкой, и на другой же день Серая Сова принялся за новую работу. Деревья замерзли и с трудом поддавались топору. Деревья нужного размера для постройки были довольно далеко, приходилось впрягаться в ремни и тащить их на полозьях. Конечно, легче было и строить дом там, где рос подходящий для этого лес, но роща сосновая, с чудесными березами, была так привлекательна, что ради возможности

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
жить среди такой красоты не жалко было никакого труда. Но при условии доставки материалов издалека, конечно, постройка дома не могла двигаться быстро. К тому же, каждый день шел снег, и каждое утро приходилось, прежде чем приступить к самой работе, порядочно поработать лопатой. Без конца обсуждалось при этом, как лучше поместить фасад дома, где сделать дверь, с какой стороны вырубить окна. Последнее потом удалось превосходно: окна были прорублены в сторону красивейших групп деревьев.

Работа шла на берегу озера, противоположном палатке.

Однажды вечером строители вернулись домой и нашли бочонок пустым, и два запутанных нерешительных следа, каждый отдельно, шли к озеру. С момента ухода прошло порядочно времени, и первую мысль индейцев было, что бобры почуяли близость своих сородичей и отправились к ним. Но это предположение оказалось неверным: следы, как бы блуждая, уходили в другом направлении, вниз по берегу озера. Бобры обладают таким большим чувством дома, что инстинкт безошибочно их приводит туда, куда надо. Но молодые бобры, возможно, еще не могли оценивать расстояние с точки зрения запаса своих сил, и оттого Серая Сова опасался, что они пошли к месту последней стоянки, где они над чем-то очень много трудились. Весь этот день погода стояла мягкая, но к вечеру стало морозить, образовалась корка, на которой не оставалось никаких следов. Самая же беда была в том, что бобры обросли шерстью еще только наполовину и при таком дальнем пути неминуемо должны были замерзнуть. Но невозможная путаница следов на берегу сразу же открыла, что у них не было никакой определенной цели и желали они только побродить. Разобраться же в их следах не было никакой возможности, и пришлось сделать большой круг, освещая себе путь фонарями. Приходилось очень спешить, потому что морозило все сильнее: шли, спешили и всевремя звали и звали. И, наконец, почти у половины пути к озеру, на призыв послышался слабый ответ: маленький зверек – это был самец – лежал на снегу головой к дому; видимо, он понял беду и хотел вернуться домой, но обессилел и потерял даже надежду. Анахарео подхватила его и помчалась скорее домой, а Серая Сова продолжал поиски.

Очень скоро, однако, он увидел условленный сигнал светом и, вернувшись, узнал, что другой еще до прихода Анахарео вернулся и ждал в бочонке.

Оказалось, что, прежде чем отправиться в безрассудную экспедицию, предприимчивые искатели приключений подрыли и опрокинули печку, отчего нескоро удалось наладить тепло и вернуть всем обитателям палатки хорошее расположение духа. С тех пор строители стали брать бочонок с его обитателями с собой на работу и поддерживать возле него постоянный огонек для тепла.

Хотя супруги оба очень усердно работали над хижинкой, но прошло целых одиннадцать дней, пока наконец-то она была объявлена вполне годной для вселения. В это время условия жизни в палатке стали очень неприятными из-за тесноты: в нее все втащили от мороза. И потому однажды вечером строители с великой радостью отправились в свое новое помещение. В то время эта хижина была похожа на ледяной дом, потому что маленькая печка оказывала слабое действие на замерзшие стены, и щели между бревнами не были еще законопачены. Мох, припасенный для конопатки, был заготовлен в большом количестве, но, для того чтобы пустить его в дело, надо еще было его оттаять. Чтобы ускорить таяние, его разложили вокруг печки в трех кучах.

Кто видел когда-нибудь строительство бобров, тот непременно останавливался в большом раздумье, потому что это строительство напоминает что-то близкое: человек в животном узнает или как бы вспоминает себя самого. Но сейчас примитивное строительство человека зимой в лесу, в свою очередь, наводило мысль на работу бобров. Как только люди, измученные дневной работой, крепко уснули, а мох у печки все таял и таял, из своего бочонка вышли бобры погулять по новой избе. Они, конечно, почувствовали, что отовсюду дует, и сейчас же принялись, по своей бобровой привычке, заделывать щели – таскали мох и конопатили, и, когда люди утром проснулись, все было превосходно законопачено до той высоты, до которой бобры могли дотянуться.

Такой человек, как Серая Сова, наверное, и во сне тоже готовился к предстоящей днем работе, и можно себе представить его изумление, когда он, проснувшись, застал бобров за той самой работой, к которой готовился.

Весь этот день Серая Сова заделывал щели мхом, засыпал землей внутри и потом

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru укреплял стены снаружи, в то же время Анахарео мастерил и подвешивала полки на стены, сколачивала стол и вообще делала уют для жилья. Когда все было готово, с гордостью любовались строители на свой дом, на эти гладкие красные бревна канадской сосны с темно-зеленым мхом между ними, на султан белого дыма, который медленно рассеивался там высоко, между темными ветками сосен-гигантов.

Да, они любовались на дым своего дома, как любят все лесные жители на свой первый огонь вид дома был радостный, мысли рождались о хорошем житье, о прочной оседлости. Внутри в это время стены отходили, на стенах, на балках была сырость, и капало. Но это не помешало новоселам отпраздновать конец строительства. Вот только печная труба оказалась несколько узкой, и при плохом ветре в печке не хватало тяги – появлялся дым. Однако это была небольшая беда: дым можно было очень скоро выгнать в открытую дверь одеялами. Во всех других отношениях дом был превосходным сооружением.

Закончив постройку хижины, Серая Сова перенес весь провиант из сделанных по дороге запасных складов, запасся дровами, убил и приволок оленя и после того начал осматривать местность. Было уже начало декабря, и охота на норок, если они тут водились, была на исходе. Оставался расчет на куниц, на лисиц и рысей. На поиски следов этих зверей и отправился теперь Серая Сова. Было мало, очень мало лисьих следов, от остальных же пушных зверей не то что следов, а даже и волоска нигде не нашлось. Захватывая с собой кусок холста для прикрытия от ненастья, половинку одеяла, немного чаю, муки, топленого сала, ружье, он странствовал далеко и широко по холмам и долинам, по лугам, некогда занятым бобрами, пересекал овраги и водоразделы, прослеживал ручьи до истоков. Случалось проползать в путаных кустах на трясинах, переходить цепи горных кражей, всюду высматривая лазы животных; он изнурял себя ходьбой до невозможности, спал, где заставала ночь, – но все было напрасно.

Странно, что при таком положении дела Серая Сова не падал духом, и ему уж казалось, что самое трудное было теперь за спиной. Он совершенно бескорыстно заинтересовался страной, и ему хотелось знать о ней все больше и больше. Он рассуждал так: хуже того, что было, не может быть, и перемена должна быть только к лучшему.

Но Серая Сова ошибался. Совсем неожиданно и как будто никак не ко времени начало таять, и дорога сделалась отчаянно плохой. Настали сырые, пасмурные, промозглые, туманные дни. Снег спрессовался, осел, на лыжи так налипало, что передвигать их стало почти что невозможно. Вслед за этим вдруг хватил мороз, оледенивший деревья; снег покрылся коркой, разлетающейся под лыжами вдребезги, как стекло. Как бы осторожно ни двигаться по такому прозрачному стеклу, все равно не миновать провала, от которого сотрясается тело и теряется ритм, столь необходимый для управления лыжами. А то, бывало, корка зацепит за лыжу, и от внезапного толчка человек падает на колени. Никакой возможности, конечно, не было на такой корке найти какой-нибудь след: животные ходили по ней без следа. Вот эти последствия дряблой погоды для северного жителя были до крайности неприятны; тут, в этой новой, неведомой стране, постоянно вспоминался родной далекий север, где человек скользит мягко, ритмично, бесшумно по снежному покрову глубиной в шесть футов. Серой Сове казалось, что все стихии объединились, чтобы мешать ему в достижении цели; он не находил в себе способности переносить это безропотно и проклинал, сколько духу хватало проклинал этот край. Что делать! Человек всегда готов проклинать свою розгу, хотя, быть может, одна она только способна вывести его из летаргии самодовольства, в которой он пребывает. Трудно было, однако, покориться Серой Сове, пусть хоть она, эта розга, и была бы для него в какой-то мере и благодетельной. Ведь в конце-то концов вся затея спасения Бобрового Народа рушилась, приходилось спускать флаг с корабля или свертывать знамя.

На другом конце озера стоял бобровый домик, и в нем жили четыре бобра. С каким трудом далась эта близость к ним, это начало осуществления великой идеи! Эта небольшая семья и свои два бобренка – больше бы, кажется, ничего и не надо. Но как же выйти из положения? Казалось, карты были крапленые с самого начала.

Так вот после мучительного раздумья Серая Сова однажды вечером решил спустить флаг со своего корабля и приступил к приготовлениям. Ему казалось, что он готовится к выполнению смертной казни, а не к охоте. Он взял лом для рубки льда, приманку, четыре ловушки. Не каждая должна была поймать по бобру, но в два приема их можно было переловить всех дочиста. Анахарео стояла рядом; она

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru помогала: передавала Серой Сова ветки, которые должны были направить жертву в ловушку. Она была взволнована до глубины души, но ничего не говорила, зная по опыту, что бесполезно мужа просить, раз он решился на что-нибудь. А кроме того, это, пожалуй, и не было в ее природе – просить.

Солнце закатывалось и своими зимними лучами грустно освещало бобровую хатку, покрытую снегом: весной эти бобры не увидят солнца. Но Серая Сова выкинул из головы эти дряблые мысли и закончил работу: дня через два уплата долга будет обеспечена.

И, только охотники собрались уходить, вдруг послышался резкий дискантовый голос, почти что детский, из самой глубины бобровой хатки. Серая Сова остановился, пораженный. Анахарео тоже слышала.

– Совсем как у наших, – сказала она.

– Да, то же самое, – согласился Серая Сова.

И прислушался. Другой голос запротестовал. Вся домашняя сценка стала понятна во всех своих подробностях.

– Один ест, – сказала Анахарео, – а другой хочет отнять.

После того – звуки примирения, бормотание, шепот удовлетворения, хруст грызущих зубов.

– Палку у него отняли, – детально излагала Анахарео. – А теперь она вернулась к нему, он ест.

– Пони! – сказал резко Серая Сова. – К чему ты мне все это говоришь?

Затем кто-то нырнул, и вода в одной из только что сделанных прорубей поднялась; во всяком случае, это должна была быть старая бобриха, мать. Серая Сова быстро подбежал к ловушке, быстрым ударом воткнул в нее лом и задрожал, когда она захлопнулась. Затем быстро обежал все другие и все их захлопнул.

После того между супругами не было никаких разговоров. Они даже избегали друг на друга смотреть. Собрав все принадлежности, они молча пошли домой, а солнце еще не успело сесть и продолжало освещать бобровую хатку.

Серая Сова опять поднял свой флаг.

«МАК-ДЖИНТИ И МАК-ДЖИННИС»

Серая Сова вовсе бросил странствовать в этой местности, очевидно до того изученной, исследованной в таких подробностях, что открытия в ней сделать можно было бы разве лишь в области каких-нибудь исторических древностей. Кроме того, такому артисту лыжной тропы, каким был Серая Сова, здесь никогда не было хорошего пути.

Для таких людей, каким был Серая Сова прекращение странствий, отказ от неутолимого желания узнать, что же находится там, за холмами, означает застой, означает пребывание в часах безделья с их мрачным спутником – самоанализом. Но бобры были спасением. К этому времени они значительно выросли, весили каждый по пятнадцати фунтов, а мех их стал густой, пышный, блестящий.

Их возмужание, однако, вовсе не влияло на их детские отношения к людям. По-прежнему они лезли к ним на кровати. К сожалению, часы их сна не совсем совпадали с хозяйскими по утрам особенно они всегда стремились встать пораньше людей. Притворяясь спящими, люди тихо лежали, в надежде, что бобры понемногу успокоятся и снова заснут, но, видимо, бобрам нравилось видеть всех на ногах по утрам, и потому они начинали своих хозяев щипать за брови, за губы, беспокоить всяким способом, пока, наконец, те не поднимутся. Спать из-за них приходилось на полу, на койке с ними было бы тесно, а не взять их к себе тоже нельзя было они вопили до тех пор, пока их не возьмут. Можно бы, конечно, поместить их на свое место, как животных, но их понимание всего было такое ясное, близость отношений зашла так далеко, что не хотелось их обижать.

Малейшую перемену в отношениях, даже в настроении они хорошо замечали. Суета

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru каких-нибудь приготовлений побуждала их, в свою очередь, к такой же деятельности. Например, когда люди стлали постель, бобры бегали вокруг них и тянули во все стороны одеяла, а то прямо даже и удирали с подушками. Когда люди смеялись или вели оживленный разговор, они тоже по-своему начинали болтать и оживляться. Случалось и Серой Сове, как всем людям, расстраиваться и всердцах на что-нибудь не считаться с возможностью причинения обиды другому своими словами, – бобры это понимали и старались в такие минуты не показываться людям на глаза. Серая Сова это хорошо заметил, и такое наблюдение помогало ему сдерживать свой нрав.

Мертвая точка, на которой очутились охотники при перспективе полного безделья в течение трех месяцев, до начала мартовской охоты, была бы невыносима, не будь этих живых созданий, о которых никогда нельзя загадать, что они завтра выкинут. Если разнообразие является солью жизни, то они своим разнообразием действительно оказывали на людей самое оживляющее действие. Они вытворяли самые непредвиденные, неслыханные вещи и по временам приносили непоправимый вред. Часто требовалось немало самообладания, чтобы смотреть сколько-нибудь спокойно на результаты их работы в течение целого дня. В свободное время они всегда чего-нибудь требовали, или передвигали какой-нибудь маленький предмет с места на место, или резвились между ног, и вообще избавиться от них можно было, лишь когда они спали, да и то не всегда. Но они были истинно счастливы и довольны всей окружающей их обстановкой, их смехотворные проделки так оживляли скучную и закоптелую хижину, что им все прощалось.

И когда эти маленькие эльфоподобные существа, работая, прыгали, скакали, бегали взад и вперед или ковыляли на задних ногах, появляясь, исчезая в полутьме под койкой, столом или в углах, – то казалось, будто их не два, а множество, и у хижины получался такой вид, будто она населена целой толпой деловитых духов. Непрестанно они издавали странные крики и сигнализировали друг другу пронзительными детскими дискантами. Иногда они усаживались на корточках на полу, подняв туловище вертикально, и делали свой регулярный и очень тщательный туалет или сидели, крепко прижав передние лапки к груди, положив хвосты перед собой, и так очень походили на маленьких идолов из красного дерева.

Случалось в разгаре их бурной деятельности они вдруг оба, как по сигналу, останавливались в позах прекращенного движения, вглядывались в людей с внезапной молчаливой осторожностью, впивались в них глазами так пылливо, так пристально и мудро, как будто внезапно догадались, что люди вовсе не такие, как они, бобры, и им надо поэтому немедленно прийти к какому-то решению.

«Да, большие друзья, – казалось, говорили они, – мы знаем, что мы еще малы, но погодите немножко!»

И разглядывали людей глазами, полными смысла, и этим производили на них такое жуткое впечатление, будто они были маленькие люди с сумеречным умом, которые когда-нибудь заговорят с большими людьми.

Но к концу дня обычно наступало время, когда вся эта мудрость и бдительность, все их мастерские, искусные затеи, все дела и делишки отбрасывались и забывались, – тогда дух получеловеческого сверхинстинкта у них исчезал, и оставались два усталых маленьких животных, которые с трудом тащились каждый к своему человеческому другу, просили, чтобы их подняли на руки, и затем с глубоким вздохом громадного и полного удовлетворения погружались в сон.

Эти переменчивые существа в гостях у людей принимали лагерную жизнь как нечто вполне естественное, несмотря на условия, столь неестественные для их породы. У них не было бассейна с водой, и жили они совершенно так, как жило бы любое сухопутное животное, удовлетворявшееся одной только миской для питья, прибитой к полу.

Они были вполне удовлетворены этим оборудованием и, хотя в мягкую погоду дверь наружу обыкновенно была открыта, они все-таки не делали попыток спуститься к озеру. Один раз их взяли к проруби, но они отказались влезать в нее или пить, а убежали со льда как можно скорей и стали карабкаться вверх, к дому, по снежной тропинке.

У них в головах роились разные планы, и в результате попыток выполнить их человеческая хижина принимала фантастический и часто неряшливый вид. Наиболее

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru замечательной в этом отношении у них была попытка выстроить собственный дом. Пространство под койкой они захватили в свою собственность и ходили туда именно как собственники, с таким видом маленьких буржуа, что можно было, глядя на них, покаться со смеху. Они взяли это пространство под койкой превратить в нечто вроде личной комнаты, для чего однажды ночью перетащили все содержимое дровяного ящика и построили баррикады со всех сторон, оставив себе только выход. Внутри отгороженного места они прогрызли дыру в полу и выкопали тоннель под задней стеной. Впоследствии этот тоннель стал служить им спальней, но первоначальное его назначение было другое: это была шахта с материалом для штукатурки.

Люди долго не подозревали существования грязевой шахты в их собственном доме, как вдруг однажды заметили, что через эту стену возле койки перевалилось нечто тяжелым шлепком: кусок глины. За глиной последовал камень порядочного размера, позднее – еще комок глины. Обследование обнаружило тоннель, внутренняя сторона перегородки была отлично и гладко оштукатурена, а странные предметы, валившиеся в комнату, были избытком штукатурного материала. Между прочим, бобры отлично сэкономили материал: заметив через некоторое время, что часть штукатурки свалилась в комнату, они ее подобрали и оштукатурили стену и с наружной стороны. Но мало того – они пользовались в совершенстве тем, что у людей называется организацией труда: пока в узком тоннеле можно было работать только одному, они работали поменно, а когда можно было действовать вместе, то один был занят тем, что только приносил материал, а другой штукатурил.

Исследование сооружения, между прочим, объяснило людям таинственные глухие удары и ссоры, ворчанье и тяжелое дыхание, исходившее несколько ночей из-под койки. С течением времени баррикада из дров и снаружи была полностью оштукатурена и оставлено одно только наблюдательное отверстие, подобное тому, которое они сделали в бочонке. Нора была под нижней стороной хижины, и, когда случалась теплая погода, вода с крыши сливалась в нее, просачивалась насквозь, превращая сухую глину в жидкое тесто. В таких случаях бобры обыкновенно выползали в хижину к людям настолько облепленные глиной, что были почти неузнаваемы, и в таком-то виде пытались вскарабкаться на колени.

Около этого времени супруги достали где-то книгу о строительстве в давние времена Тихоокеанской железной дороги в Соединенных Штатах и, читая в ней о трудолюбии и настойчивости ирландских рабочих, думали о строительстве бобров под кроватью: чем они хуже ирландцев? И так они дали своим бобрам ирландские имена: Мак-Джиннис и Мак-Джинти. Имена эти, в самом деле, очень подходили бобрам, потому что бобры были так же энергичны, а порой и так же вспыльчивы, как любые два джентльмена из Корка (город в Ирландии).

У самца (ныне Мак-Джиннис) была своя маленькая и любимая игра с людьми. Каждый день к полудню, когда он просыпался, ложился он настороженно за углом своего укрепления и ждал, пока не пройдет тут кто-нибудь из людей. Затея эта была каждое утро, без пропусков, и потому люди уже знали вперед, что будет, и нарочно шли мимо этого места. И как только человек подходил, Мак-Джиннис с ожесточением бросался в атаку. Затем после этого нападения выходила Мак-Джинти, чтобы произнести свой утренний монолог, декламируя громким голосом со множеством различных интонаций. Иногда они оба усаживались рядом, как бы для смотра или для парада, торжественно качали головами и издавали самые странные звуки.

Индустриальные имена Мак-Джиннис и Мак-Джинти были похожи, как были похожи между собою сами бобры, и потому, когда звали одного, приходили оба вместе: очень прились эти имена и прижились.

После утренних упражнений Мак-Джинниса в своей воинственной забаве и Мак-Джинти в ее морализировании, в витиеватых речах, люди их кормили разными лакомыми кусочками, которые бобры уносили в свой дом, и там, сидя как можно дальше друг от друга, ели, вполголоса поварчивая, чтобы предотвратить попытки возможного пиратства. Их звучное чавканье во время еды было очень аппетитно, но в пище они были очень разборчивы и вкусы имели индивидуальные. Остатками или объедками они никак не довольствовались. До того иногда были капризны в еде, что из нескольких кусков одной и той же лепешки иногда не сразу брали любой, а несколько раз колебались в выборе того или другого. Так герой одного романа в трудную минуту много времени тратил, чтобы выбрать себе папиросу из дюжины совершенно одинаковых.

Покончив с завтраком, бобры в отличном расположении духа появляются для

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru выполнения своих дневных дел на полу, двигаются проворно, суетливо, как бы говоря: «Ну, вот и мы! Что прикажете делать?» Вслед за этим они обыкновенно включают в общую работу люди по-своему делают и они тоже по-своему. Источником постоянного интереса для людей была та правдивость, с которой их голоса и действия регистрировали их эмоции. Казалось, они были даже одарены в какой-то степени чувством юмора. Однажды Серая Сова заметил, как один бобр мучил другого до тех пор, пока жертва не испустила жалобный крик; тогда он, достигнув, очевидно, своей цели, закачал головой взад и вперед, скорчился как бы в конвульсиях смеха и затем повторил свое представление: казалось, что вот-вот и не в шутку послышится смех.

Серая Сова постоянно пристально наблюдал жизнь своих маленьких друзей, и мало-помалу у него созрело убеждение в том, что бобры обладали способностями, необычайными для животных. Он сомневался только в том, что в таких самостоятельных и независимых существах эти способности могли бы совершенствоваться и развиваться.

На своем веку лесного бродяги видел он не раз, как боролись между собой собаки, волки, лисицы, наблюдал за большинством других животных, от кугуара до белки, и все они во время игры скакали и били лапами друг друга. Одни только бобры не удовлетворялись подобной свойственной всем животным игрой. Эти необыкновенные созданы при борьбе становились на задние лапы, обхватывали маленькими, короткими лапами друг друга и боролись совершенно как люди: назад и вперед и кругом, но никогда не в сторону. Наступая, толкая, топя, ворча и пытая от прилагаемых усилий, применяя все приемы, какие только они знали, изо всех сил так они боролись за первенство. Когда же, наконец, один из них громким криком давал знать, что побежден и больше не в силах стоять за свое первенство, схватка заканчивалась, и оба, сделав по несколько прыжков, обращали свое внимание на дела более серьезные.

Капризной и предприимчивой Мак-Джинти эти вполне легальные занятия были недостаточны для удовлетворения ее натуры, жаждущей более острых переживаний. Она разработала себе целую систему умеренных преступлений, выходок, столь известных и в человеческом обществе. Так вот, например, она имела свободный и вполне законный доступ к небольшому запасу картофеля, который во время переноски удалось спасти от мороза. Она брала его, когда хотела, совершенно открыто, никто ей в этом не мешал. Но ей было гораздо интереснее его воровать, и она продырявила сзади мешок и таскала картофель потихоньку. Так, ее можно было видеть крадущейся с добычей вдоль стены с выражением наслаждения страхом быть пойманной. Люди, конечно, и сами наслаждались ее наслаждением и позволяли ей носить картофель, сколько ей вздумается. Но противодействие – это дыхание жизни бобров; вся их жизненная школа связана с преодолением препятствий. И как только Мак-Джинти заметила, что таскать картофель ей можно, это занятие для нее потеряло всю свою прелесть.

Вслед за этим преступница начала воровать табак. Однажды ночью раздался жалобный стон, означавший, как оказалось, настоящую беду: отважного вора нашли распластным на полу возле украденного табака, часть которого была съедена. Бедная зверушка сильно страдала, пыталась подползти к людям, но у нее не действовали задние ноги: они были будто парализованы. Любимицу Анахарео осторожно подняли и положили на койку. В серьезной беде бобр очень льнет к человеку и глядит на него чрезвычайно выразительным умоляющим взглядом. Мак-Джинти прижалась к Анахарео, уцепилась за ее платье лапками, потерявшими силу, с немой мольбой ожидая от нее, только от нее, своего спасения.

Серая Сова впервые в жизни своей видел такую сцену, и она его сильно растрогала. В своем прошлом опыте он стал искать средство лечения. Рвотное она не хотела или не могла проглотить. Через короткое время она впала в оцепенение, сердечная деятельность ее почти прекратилась, и тут Серая Сова вспомнил один случай отравления опиумом. Он сказал Анахарео, чтобы она растирала ее тело крепче, массирула руки и ноги и ни в каком случае не давала ей заснуть. Это было несколько жестоко, но вопрос шел о жизни и смерти. В свою очередь, и Анахарео вспомнила о пользе в таких случаях горячих горчичных ванн. Когда ванна была готова, бобр был уже без сознания и настолько обессилен, что, когда его опускали в ванну, голова его безжизненно погрузилась в жидкость. Не сразу проникла жидкость сквозь мех, но было достаточно даже того, чтобы ноги и хвост подверглись ее действию, – результат сказался почти что мгновенно: держа руку под грудью бобра, Анахарео сказала, что сердечная деятельность возрастает.

Потерявшее сознание животное настолько жило, что стало слабо стонать и приподнимать голову. Но только вытащили ее из ванны, как бедная зверушка снова поникла, и сердечные удары были почти неощутимы. Пока Серая Сова готовил вторую ванну, Анахарео усердно растирала животное и не давала ему уснуть. Помещенная во вторую ванну, Мак-Джинти пришла в себя: после того ее опять растирали, опять купали, стараясь всеми силами сохранить маленькому созданию жизнь. Более десяти часов так работали, чередуя ванны с растиранием, и временами вовсе теряли надежду: неподвижная, слабеющая, с закрытыми глазами, она выскользывала из рук людей. Три раза начинались конвульсии, но все-таки она при постоянном воздействии людей жила, и время рассвета, по замечанию Серой Совы, фатальное в споре жизни и смерти, миновало: рассвело, а Мак-Джинти еще не умерла. При наступлении полного дня кризис как будто миновал, сердце сильно забилось, она встала, и вдруг тут ее схватила судорога – она упала и вытянулась.

Серая Сова уронил полотенце: это был, очевидно, конец.

– Ну, Пони. – начал он.

И отвернулся, чтобы положить дрова в печку, и стал там возиться, чтобы только не глядеть. Сердце разрывалось.

– Ну, Пони. – начал он второй раз.

И вдруг он услышал крик сзади себя – не крик смерти, как ожидал, а что-то вроде рассуждения, декламации, с получеловеческими звуками.

Серая Сова оглянулся.

Мак-Джинти сидела на задних лапках совершенно прямо и даже делала попытки причесать свою мокрую, растрепанную шубу.

Анахарео плакала. Серая Сова в первый раз в своей жизни видел ее плачущей.

Между тем Мак-Джиннис, по свойственному всем животным инстинкту, понял, почувствовал беду и все время пытался пробраться на койку к Мак-Джинти. Теперь, когда она ожила, конечно, прежде всего им позволили встретиться Мак-Джиннис обнюхал свою подругу очень тщательно, как бы стараясь, после столь долгой разлуки (одиннадцать часов!) убедиться, действительно ли это она. Он издавал тихие звуки, похожие на отрывистые стенания, звуки, которых раньше от него никогда не слышали. Она же восклицала пронзительным голосом, по своей обычной привычке. Хнычущие звуки продолжали раздаваться довольно долго и под койкой, а позднее, когда к ним заглянули, они лежали в обнимку, крепко вцепившись лапками в мех, как делали, когда были совсем маленькими.

Этот драматический эпизод надолго отбил охоту у Мак-Джинти заниматься скверными делами: она исправилась. Всякое подлинное несчастье действовало на них исправительно. То же было и с Мак-Джиннис после той беды, когда он чуть-чуть не замерз на льду, он до того сделался примерно-порядочным, что Анахарео стала опасаться за его судьбу: она верила, что хорошие дети долго никогда не живут.

У бобров были характеры если не сложные, то очень противоречивые, с резко выраженными индивидуальными особенностями. Мак-Джиннис, если ему делали выговор, беспрекословно подчинялся, принимался за что-нибудь другое, а потом, сделав невинную мину забывчивости, принимался опять за то самое, что ему запрещали. Мак-Джинти не поддавалась никаким увещаниям, и только насилие могло прекратить ее преступные замыслы. И как только она начинала понимать, что нехорошие дела ее замечены, она принималась визжать, как бы авансом протестуя против вмешательства. Но в какую бы форму ни выливалась борьба людей с их своеволием, в конце концов враждебных чувств она не вызывала у бобров: привязанность их к людям оставалась прежней. Главное, неприкосновенным оставался всегда и неизменно тот час их дня, когда все споры, все неприятности исчезали и тесная дружба их к людям выходила как бы из какой-то задумчивости: быть может, это чувство приходило от материнской любви, навеки ими утраченной.

Но как бы ни были разны их характеры, как бы ни менялись обстоятельства, в одном они были неизменно единодушны, и одно желание у них никогда не остывало: это была жажда узнать всеми возможными и невозможными путями, всеми правдами и

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru неправдами, что же там было скрыто, за пределами их досягаемости, там, на столе.

С самого момента начала жизни в этой хижине стол и то недоступное им, что было там, на столе, обладали необычайной силой чарующего притяжения для бобров, и они, казалось, думали, что вот именно там, на столе, находится все то желанное, чего им не хватало тут, внизу, на полу. Они были особенно крикливо-требовательны во время еды людей за столом, и хотя им всегда давалось, сколько они могли съесть, все равно, сколько бы они ни ели, – еда едой, а территория стола оставалась для них неисследованной. Всеми им доступными средствами они стремились узнать, что там находится, и однажды им удалось стащить клеенчатую скатерть. Грохот упавших железных тарелок, казалось, должен был бы послужить им хорошим уроком, и все-таки нет: этого урока, оказалось, им было еще недостаточно. Серая Сова, наблюдая эту постоянную тягу бобров к столу, понимал, конечно, что рано или поздно, каким бы там ни было способом, они своего непременно достигнут, но ему никак не могло прийти в голову то, что случилось в действительности.

Серая Сова и Анахарео никогда до сих пор в этой хижине не оставляли бобров одних более чем на несколько часов, потому что было холодно и надо было поддерживать тепло в хижине. Но однажды случилась большая оттепель, и супруги предприняли небольшое путешествие, за несколько миль, в лесозаготовительный лагерь. Ночью возвращаться домой им не захотелось, они приняли приглашение переночевать. На другой день повар, слышавший о бобрах, пожелал их посмотреть, и Серая Сова, расставаясь с ним утром, предложил ему зайти к концу дня. Повар пообещал зайти и на прощанье дал для угощения бобров сверток солидных размеров. Это был первый визит в хижину лесных странников, и, чтобы подготовиться к встрече дорогого гостя, они поспешили скорее домой.

Так с этой мыслью, чтобы поскорей взяться за дело и не ударить в грязь лицом перед гостем, Серая Сова и Анахарео подошли к своему дому, но, взявшись за дверь, отворить ее не могли: дверь была забаррикадирована изнутри кучей одеял.

Но это были пустяки в сравнении с тем, что открылось хозяевам, когда они вошли в свое жилище, комната была разгромлена.

Бобры нашли простейший способ опустить ниже недоступный им стол: они подгрызли ножки, и стол сам опустился. Вещи, лежавшие на столе, то самое, чего достигнуть им так страстно желалось, оказались не особенно интересными: посуда. Однако они не пощадили и посуды; большую часть этих вещей позднее нашли в норе, но некоторые вовсе не были найдены; вероятно, они запрятали их в самом отдаленном конце тоннеля. Все остальные вещи были разбросаны на полу и находились в разных стадиях разрушения. Умывальник был опрокинут, и мыло исчезло. Банка с керосином, емкостью в пять литров, упала на пол, но, к счастью, удачно: отверстием вверх, так что ничего не вылилось. Сам пол не пострадал, но был густо покрыт стружками, щепками, обломками разного изгрызенного имущества. В дальнейшем были нападения гораздо более разрушительные, но первый разгром произвел потрясающее впечатление и отбил всякую охоту принимать гостя.

Между тем сами-то бобры по-своему задумали что-то построить. То, что людям представлялось картиной разрушения, с их, бобровой, точки зрения это было лишь этапом какого-то, им только известного созидания они не чувствовали ни малейшей вины и, прерванные в своем строительстве, разглядывали вошедших через свою бойницу, а когда убедились, что это свои, то сразу оба выскочили и запрыгали через груды развалин, чтобы радостно приветствовать своих милых друзей.

Какой смысл был наказывать этих маленьких гномов? Им дали лакомства, присланные поваром, и они ели среди обломков, наслаждаясь таким чудесным завершением, быть может, самого прекрасного дня их жизни.

«КАК СЕРАЯ СОВА СТАЛ ПИСАТЕЛЕМ»

Кто может сказать, где именно кончается инстинкт и начинаются сознательные умственные процессы? Этот вопрос много раз ставил себе Серая Сова, наблюдая жизнь своих бобров. Вспомнилась ему однажды виденная где-то в газете фотография японской железнодорожной станции с надписью: «Точно такая же, как и у нас». Издатель, очевидно, был изумлен, что японская станция сделана не из бамбука или бумаги. И Серая Сова, вспомнив наивного издателя, подумал о себе самом, что его отношение к уму животных было точно такое же: «У них, как у нас». Но после появления в обстановке его повседневной жизни маленьких послгов, детей животного царства, подобная снисходительная точка зрения была невозможна, а дальнейшее

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru углубление в этот замечательный мир обещало волшебные возможности: сфера жизни, совсем не изученная. У бобров их внутренняя жизнь сказывалась, конечно, эффективнее для наблюдателя; но в какой-то мере, конечно, и все животные обладают своими, неизвестными людям свойствами в том же роде, – область неизвестная, сулящая целый мир открытий.

Это новое для Серой Совы, как бы родственное внимание ко всему животному миру настойчиво искало своего применения. К счастью, зима была очень мягкая; разного рода животные пользовались ею, всюду шныряли, и Серой Сова захотелось интерес свой, возбужденный бобрами, расширить вообще интересом к жизни природы. Можно ведь было начать приручение разных животных – не только бобров. Началось с ондатры, с которой подружилась Анахарео. Это был жирный курьезного вида самец. За свое толстое брюхо он был прозван фальстафом. Очень часто он посещал прорубь, из которой бралась питьевая вода, и засорял его то травой, то ракушками съеденных им улиток, чем доставлял поселенцам некоторые неприятности. Он любил сидеть у самой кромки льда и поедать разные кусочки, которые Анахарео оставляла тут для него. В конце концов фальстаф до того привык к людям, что ел прямо из рук. По всей вероятности, он вообще стал ее подстерегать, потому что сейчас же высовывал из воды голову, как только Анахарео начинала спускаться вниз. Он даже бежал по льду к ней навстречу, но уже через несколько метров терял уверенность, его охватывал страх, и он мчался назад в прорубь и оттуда снова выглядывал. День за днем, однако, росло его доверие к Анахарео, и путешествия к ней навстречу по льду удлинялись, отступления становились не столь стремительными. У фальстафа был домик на берегу, сделанный из травы и грязи, у него кто-то там жил, но выходил к поселенцам только один фальстаф, другие никогда не показывались.

Удалось так же скоро приручить двух белок: они стали даже приходить на голос, прыгать людям на плечи, из рук брать кусочки лепешек. Между собой эти белки ссорились, жестоко дрались, но к людям неизменно выказывали дружелюбие, – возможно, оно было притворное, возможно, и нет; во всяком случае, оно было вызвано надеждой получить подачку.

Еще из живых существ возле хижины поселенцев было около дюжины соек, которые поселились в соседстве с людьми. Как будто они даже в присутствии людей несколько изменили свой нрав и не болтали, как всегда. Они глаз не сводили с двери и в то же время старались показать всем своим скромным поведением, что в подачках они совершенно не заинтересованы. Как только открывалась дверь, они становились очень оживленными, некоторые даже начинали и посвистывать. Но все прекращалось, как только закрывалась дверь.

Дружеские отношения между ними, однако, не удерживались при появлении еды. На них еда оказывала такое же влияние, как деньги на весьма многих людей. Если бросалась пригоршня крошек, то каждая сойка, не обращая внимания на другую, стремилась захватить себе как можно больше и улетала. Однако все-таки при этом они не теряли вовсе ума, и если случалось, что в такой момент сойка была только одна, то она обыкновенно ходила между кусками и крошками, спокойно выбирая себе самые большие. Сойки скоро сжились с поселенцами, так что, какую бы вещь ни выбросили из хижины, они в воздухе бросались на нее, как атакующие самолеты. Некоторые же сойки на мгновение садились даже на протянутые пальцы и явно при этом наслаждались новыми, не испытанными ими переживаниями, а может быть, просто теплом рук.

Сначала все сойки людям казались совершенно одинаковыми, но вскоре люди стали их различать, открывать в каждой сойке индивидуальную внешность и свой личный характер. Можно бы назвать такое отношение к животным родственным вниманием, потому что нужно, конечно же, сознавать себя до некоторой степени в единстве со всем миром, если находишь возможность открывать личность даже в таком отдаленном существе, как сойка. Они были легкими птицами, и хотя полет их и не был особенно быстр, но этот недостаток силы они возмещали проворством. Они напускали на себя самый мрачный вид, когда были сильно голодными, хотя, возможно, делали это бессознательно, и вдруг, как только появлялась еда, становились воинственно-бойкими. Одна из них хитроумную способность соек притворяться довела до того, что во время перебранок из-за лакомого куска начинала кататься по снегу со всеми признаками дурноты. Всегда это среди других птиц производило смтение, пользуясь которым она прокладывала себе путь к лучшему куску, схватывала его и в полном здравье улетала с ним. Почти все добытое сойки упрятывали в укромных уголках и щелях, где находили его очень деятельные белки. А после кладовые белок, в свою очередь, ограблялись сойками.

Помимо бесстыдного попрошайничества, эти пернатые подхалимы еще и отлично мошенничали, так что будь они людьми, то принадлежали бы к категории тех очаровательных негодяев, которые вытянут у вас последнюю папиросу и дадут вам почувствовать, что делают вам одолжение.

В свое время Серая Сова десятками ловил соек в ловушки, поставленные для более крупных хищников. Взятые за ноги, они бились и теряли свою безобидную жизнь в безнадежной борьбе. Станным казалось теперь Серой Сова то, что он от любимых бобров пришел в царство животных с тем же чувством родственного внимания. Теперь это не была сойка вообще, одна и та же сойка во множестве экземпляров, как номер газеты в своем тираже. Теперь самые разнообразные существа бежали за ним, всползали по ногам, бросались к рукам и пальцам, чтобы посидеть на них в полном доверии, заглянуть ему в глаза своими глазами, в которых сияло радостное чувство бытия.

Анахарео очень гордилась всеми этими животными, окружавшими дом, они придавали месту какое-то очарование. Поселенцы от этого чувствовали, что на чужбине они приняты как друзья и сограждане пернатого и пушного народа. Конечно, такое равновесие в отношениях людей и природы стоило немало забот; семья поселенцев разрослась до больших размеров, и это была семья дикая и вечно голодная: нелегко было всех удовлетворить. В конце концов, чтобы жить с такой семейкой, пришлось выработать правила и расписания.

Несмотря на такие развлечения, часто дни были монотонными и тянулись долго. К счастью, странники леса оба были большими любителями чтения и в свое время натащили в лес множество журналов. Эти журналы более чем окупали труд по своей переноске тем развлечением, которое они доставляли: их постоянно читали и перечитывали и в одиночку и вслух.

Очень часто припадки тоски по великой, свободной, покинутой ими стране были так велики, что прямо приходилось изыскивать средства и способы для успешной борьбы с ними. Анахарео в таких случаях становилась на лыжи, бродила по лесам или же делала эскизы знакомых по памяти мест, в чем была большим мастером. В то же время Серая Сова пописывал на блокнотах, или на полях журналов, или на оберточной бумаге. Он делал комментарии к несообразностям, какие встречались в рассказах из жизни природы, описывал достопамятные происшествия собственной жизни, излагал свои краткие впечатления от необычайных явлений или от личностей, с которыми в жизни своей встречался. Так, восстанавливая в памяти утраченное, он до некоторой степени восполнял прежнюю жизнь, вновь переживал ее и получал некоторое удовлетворение.

Иногда поселенцы тушили свет и, широко открыв дверцу печки, сидели на полу у огня, и колеблющийся свет тлеющих углей бросал огненно-красные и малиновые лучи в призрачную мрачную хижину, рисовал странные узоры на стенах. Снопы света озаряли оловянную посуду, котелки и другую утварь, начинавшую светиться, как начищенная медь в древнем замке барона, превращая висевшее на двери одеяло в редкостную драпировку. Из земляного сооружения, сделанного бобрами, доносилось их бормотанье, как заглушенные далекие голоса прошлого. Обоим добровольным изгнанникам в чужую страну тогда все казалось таинственным, они начинали говорить только шепотом; смотрели пристально, как вспыхивал жар, как он гас, ломался, рассыпался на куски в красной, пламенной пещере. Тогда являлись лица, образы показывались и уходили, как на сцене. Призрачные эти образы вызывали из глубины памяти полузабытые истории, случаи, мысли. Тогда, вспоминая каждый свое, лесные друзья, сидя в маленьком красном кругу света печи, начинали друг другу рассказывать.

Анахарео любила рассказывать о некоторых из бесчисленных подвигов Нинно-Боджо, колдуна, который бывал иногда злым, иногда добрым, по временам святым, – бес на все руки. Это был правдоподобный образ негодяя с удобными, вследствие гибкости, понятиями о чести; не то бог, воплощенный в жизнь, не то бес, живущий в фольклоре ирокезов, народа Анахарео.

Серая Сова, в свою очередь, рассказывал о нужде и голоде и о рискованных приключениях в великих темных лесах по ту сторону Высокой Страны. Иногда беседа была о войне и давних днях времен Биско. Так в хижине, около маленькой печки, всплывало многое давным-давно погребенное. Друзья до того углублялись в свои воспоминания, что действующие лица выходили на сцену огненного амфитеатра с

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru мельчайшими подробностями. Похоже было, что их вызывали сюда, в эту избушку, из их могил, и они тут снова селились и жили и уйти совсем опять в свое темное неизвестное больше уже не могли.

Некоторые из этих рассказов Серая Сова попробовал записывать и получал от этого величайшее удовлетворение. Мало-помалу он стал возвращаться к этому занятию: исписанные лоскутки стал собирать, прятать и хранить. Скоро из них собралась целая большая кипа. Вместе с тем, он писал еще маленькие рассказы об ондатрах, белках, птицах и читал их вслух Анахарео. Глубокого впечатления на нее они не производили, хотя Серая Сова втайне на это рассчитывал. Но рассказы были забавные, – Анахарео потом с удовольствием пересказывала их бобрам. И они ее слушали и трясли затем головами и катались на спине. Вот и вся оценка, которую Серая Сова получал за свои рассказы. Но это не мешало ему продолжать свое дело, и так, занимаясь, он мало-помалу пришел к тому, что английских слов для писания ему не хватает. Этот недостаток он стал восполнять, находя такие слова в английских журналах. Занятие писательством, наконец, дошло до того, что Анахарео намекнула ему, и он понял, он начал делаться для окружающих надоедливым.

Однажды Серая Сова, не имея какого-нибудь действительно серьезного намерения, решил критически пересмотреть все написанное и попробовать, нельзя ли из него извлечь что-нибудь цельное. Он заметил, что многие из прочитанных им рассказов, несмотря на все мастерство их авторов, если хорошенько их разобрать, содержат на костях своих мало «мяса». И он решил взяться написать такой очерк, чтобы в нем была масса «мяса». С этой целью он начал спаивать все кусочки воедино. Приблизительно через неделю из этих клочков у него вышло произведение в шесть тысяч слов длиною, очень «мясистое», в котором рассказывается о северной Канаде, с подробным описанием эпизодов из жизни большинства животных того края. Было в нем и о бобрах и о тех иждивенцах, которые сейчас тут жили во дворе и на озере.

Несколько раз перечитывал Серая Сова свое произведение, и каждый раз ему казалось, что написано хорошо. Исправив замеченные места, он, лихорадочно работая до глубокой ночи, все окончил, переписал начисто. Еще раз он теперь прочитал вслух Анахарео и, кажется, охотно прочитал бы бобрам, если бы они только дали согласие его выслушать. Анахарео прослушала все терпеливо, но отметила несколько неясных мест. Эти неясности Серая Сова легко исправил, прибавив длинные и точные объяснения. Над этими неясными местами Анахарео тоже работала, и до чего не мог додуматься один, давал другой. Так они часами ломали себе голову, боясь упустить что-нибудь. Эти дополнения и вставки увеличили первое творение Серой Совы до восьми тысяч слов, что считал он очень неплохим достижением для первого раза. Анахарео пробовала осторожно намекнуть, что очерк несколько растянут. Серая Сова, однако, резко отверг это возмутительное предположение. Он же читал подобный очерк, и там автор мог из своей темы выжать не восемь тысяч, как он, а только полторы тысячи слов!

Чем больше мог автор выжать из своей темы слов, тем, казалось Серой Сове, получалось больше «мяса». Ему тогда и в голову не приходило, что многословие находится в противоречии с этим «мясом».

«О нет, – думал Серая Сова, – исправлять тут больше нечего. История, попавшая на бумагу, делается воплощением мечты, зданием, усеянным драгоценными камнями, и без особенной причины ни один из них не должен быть сдвинут с места».

Всякое предложение теперь вычеркнуть что-нибудь для улучшения целого вызывало в нем чувство, похожее на ужас при виде убийства. Нет, конечно, никаких изменений больше не будет! Он сделал тщательную копию со своего манускрипта, запечатал его, вложив около пятидесяти фотографий, иллюстрирующих, как он надеялся, очерк. После того он сделал для отправки пакета пробег в город за сорок миль.

Он отправил пакет в Англию одному знакомому со времени великой войны в Европе, полагая, что эта страна, Англия, и есть мировой рынок для подобного рода материалов. Своему посреднику он дал инструкции в том, что права на перепечатку в периодических изданиях, переводы, воспроизведения в фильмах, напечатания в отдельных изданиях удерживаются за автором. Сделал это распоряжение Серая Сова, конечно, потому, что прочитал в своем журнале, как распоряжаются относительно своих произведений настоящие авторы. Сам он о деньгах не думал, ему хотелось только, чтобы его произведение прочло много-много людей. Впрочем, конечно, если бы дали деньги, то он бы не отказался, и это было бы хорошо. Но именно только влияние журнала толкнуло его сделать все по форме. После он немало дивился,

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru какой это демон толкнул его связаться с журналом фешенебельным, обслуживающим аристократию.

Всякий, кто в жизни боролся за счастье быть самим собой, знает, что сила и успех этой борьбы зависят от уверенности, с которой идет искатель к своей цели. Все пораженные потом, истратив веру в себя, не в состоянии больше «собраться с духом» и снова ринуться в бой. Поступок Серой Сова может быть исключительно ярким примером. Такой простой вещи, как отказ журнала напечатать очерк, ему даже и в голову не приходило. Да, конечно, во всем этом важно было одно: что многие прочтут его писание. Но после этого – то все – таки деньги ему ведь очень же нужны. Но это выйдет само собой: раз напечатают, то, конечно, и деньги пришлют. И непременно пришлют, приблизительно через месяц чек должен быть здесь. Но если он так уверен в этом, то почему же теперь, раз дело сделано, авансом не купить чего-нибудь хорошего к празднику: рождество не за горами. И так, захватив с собой кое-что в лавке, Серая Сова отправился домой. Была сильная снежная метель; человек прокладывал себе лыжный путь, и сразу же за ним заметало следы.

В этом мерном ритме лыжного хода задумывается человек, и там, в этой «задумчивости», мысли порхают, как в метели снежинки. Он чувствовал, благодаря писанию, будто крылья выросли у него за спиной, а до тех пор он, бескрылый, был привязан где-то далеко от своей желанной родины. Раньше ему тяжело было давать полный ход своей мечте: эта мечта бескрылая неизменно приводила на родину, вызывала острую боль, почти что до крика. Теперь это мученье кончилось, и нет больше одиночества: на всяком месте, при всяких условиях он может из себя самого извлекать целый мир, и с пером в руке он может скитаться в стране дикой красоты, вновь переживать приключения, которые без помощи пера, по всем признакам, больше уже никогда не повторятся.

Чувство родства с природой, годами росшее в Серой Сова, достигло теперь силы сознательного действия; последние опыты с дикими животными показали ему свою силу родственного внимания к ним, силу, которой можно управлять как созидательной силой. Нет! Не только бобров, столь близких к человеку, но и всех животных нельзя считать бессмысленными существами!

«Как можно сомневаться в этом смысле, – думал Серая Сова, – раз все они так удивительно быстро отвечают на всякое малейшее проявление в отношении к ним человеческой доброты!»

Вспомнился Серой Сова один молодой олененок, который кормился на том берегу их озера. Он был всегда один, и Серая Сова догадывался, что, вероятней всего, олененок остался от одной из самок, которых ему пришлось застрелить для своего питания. Этому маленькому одинокому существу еще не было времени выучиться бояться человека, и он иногда переходил озеро и, поднимаясь вверх по дороге, проходил мимо самой хижины. Это бывало всегда приблизительно в один и тот же час через день. Поселенцы, заметив это, стали выходить из хижины и поджидать его. Олененок не обращал на это никакого внимания и проходил безмятежно. Иногда он останавливался, рассматривал людей. Скоро он стал вовсе ручным, и можно было свободно ходить около него, когда он обгрызал тополевы ветки, припасенные для бобров. Поселенцы чрезвычайно радовались этому новому другу, а его доверчивость, или, может быть, незнание, или невежество были лучшей гарантией его безопасности. После его появления Серая Сова за мясом стал уходить далеко в глубину леса, чтобы выстрелом не пугать молодого олененка. А всего только год тому назад Серая Сова, чтобы не тратить пулю, убил бы его дубинкой. А что было бы, если бы он в свое время не обирал, не оскорблял свой любимый север непрерывным убийством? Но откуда же взять средства существования для жизни? Серая Сова не был тем сентиментальным человеком, который ест мясо, а сам рук своих не хочет марать для убийства животного. Раз нельзя не есть, нельзя обойтись без еды, то почему же и не убить? Но если бы явилась такая возможность, чтобы лично можно было обойтись без этого и свои силы тратить на то, к чему больше лежит душа, то как бы это было хорошо! Не может ли вот это писательство дать возможность жить наблюдением животных, разведением их? Сколько платят за такой товар?

Сколько можно всего передумать, совершая путь в сорок миль! Снежинки кружатся, падают без конца, и пусть себе падают – об этом нечего думать, и мысль, привыкая к снежинкам, как бы освобождается от необходимости внешнего мира, она очищается и начинает принимать какую-то форму.

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Вот теперь только стало совершенно ясно, что не надо жалеть о том невольном поступке, когда Серая Сова, будучи в долгах, сам захлопнул капканы перед тем, как им надо было убить бобров. Бобры теперь были целы, решение не убивать бобров от этого стало серьезней. Открылся путь приручения диких животных. Все эти маленькие животные – белки, сойки, ондатры, молоденький олень, – по мере того как выростало их доверие к человеку, в то же время открывали ему путь для увлекательного изучения природы; живые они были интересней, чем мертвые. Но ведь это же несомненно: они гораздо интереснее, и самое дело охраны должно быть полезнее, чем дело разрушения, и если кто занимается этим серьезно, то, наверное, он должен и зарабатывать гораздо больше, чем просто за шкурки. Нет никакого сомнения, что основанное на этом чувстве охраны жизни писательство должно хорошо оплачиваться. А если это так и Серая Сова может жить и писать, как ему хочется, то вовсе и не нужно будет искать охотничий участок. На каждом месте тогда он может своим собственным усилием создавать страну непуганых птиц и зверей.

Серая Сова, конечно, понимал, что для перемены своей профессии охотника в желанном направлении требуется что-то большее, чем обычное физическое мужество лесного человека. Но относительно своих литературных попыток он не понимал, что в его положении даже ангел нуждался бы в спасательном круге.

Да, конечно, он фантазировал, он строил воздушные замки.

Лесная жизнь воспитывает железную волю. Серая Сова так понимал, что если человек считает себя способным на что-нибудь направить все свои силы со всей искренностью, то он добьется любой разумной цели. Он в своей жизни этому видел сотни примеров.

Но что, если он теперь ставит задачу научиться ходить по воде?

Бушевала метель, но в душе Серой Совы совершалось такое, что эта ярость стихии только бодрила его, она вызывала в нем такое чувство, будто сейчас совершается в природе какое-то торжество, вроде стихийного карнавала, и он шествует, сливаясь душой с этим диким разгулом, и чувствует, что нет ничего такого, чего бы он не мог преодолеть. Серая Сова несся на лыжах через бурю в своем собственном ритме, в бешеном вое находил такое упоение, что вот только бы петь, – и он кричал, он орал, как зверь.

После он сам, вспоминая этот решительный момент своей жизни, записал:

«Но вдумайся глубже, я понял бы, что, несмотря на все мои выкрики, хваленое искусство и опытность, я не мог бы остановить падения ни одной из этих тысяч летящих снежинок».

Серая Сова прибыл домой в самый разгар снежной бури, и было так уютно войти в маленькую хижину прямо из метели. Анахарео к мешкам от сахара, разрезанным и вымытым для занавесок, пришивала теперь яркоцветные шерстяные бордюры. На окнах такие занавески придавали всему домику уютный вид.

Бобры, как рассказала Анахарео, почувствовали отсутствие Серой Совы, и особенно Мак-Джиннис: после ухода он, казалось, что-то искал и провел много времени около двери, поглядывая на нее снизу вверх. При входе Серой Совы ни один из них не показался, но через наблюдательное отверстие их крепости виднелись носы: очевидно, бобры старались еще понять, кто бы это мог быть. И как только поняли, то сразу выскочили и запрыгали вокруг него. А Мак-Джиннис непрерывно бросался, до тех пор, пока Серая Сова не стал на колени и не угостил его специально для этого припасенными конфетами. Оба бобра с громким чавканьем принялись за угощение.

После того Серая Сова выложил свои скромные покупки, сделать которые уговорил его добрый лавочник ввиду близости рождества. Серая Сова был всегда слишком занят охотой в лесу и никогда не мог быть уверенным, что вот сегодня такое-то число. И потому рождество он обыкновенно пропускал. А может быть, ему в душе и не особенно хотелось вспоминать праздник, когда из-за какой-то лицемерной сентиментальности нельзя бывает лишать жизни животных. Но теперь он был семейный человек, жил в стране, где рождество для всех праздник, и он решил в этот раз не отставать от людей и тоже по-своему отпраздновать.

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Хорошо выстрогав несколько досок из сухого кедра, Серая Сова разрисовал их индейскими рисунками и повесил возле окон как наличники. Если смотреть отступя, казалось, будто эти наличники разукрашены бусами. Кроме того, лесные отшельники развесили в освещаемых местах украшения с племенными эмблемами. На пол положили два коврика из оленьих шкур. Наперед зная, что они сделаются игрушками бобров, их прибили гвоздями. Но и это не помогло: завидев коврики, бобры стали из них целыми пригоршнями выщипывать шерсть. Из перьев убитого орла Серая Сова сделал военный головной убор – это целое сооружение из перьев, красок и поддельных бус. Вырезав из дерева подобие лица воина, он нарисовал на нем, на случай прихода гостя, дружественные знаки и надел головной убор. С другого конца стола у этого воина был очень внушительный вид. Везде на видных местах были расставлены раскрашенные свечи, к балкам подвешены японские фонари. От всего этого и получилось так, что если заглянуть снаружи в окно, то можно было бы подумать, что хижина заселена какими-то индейскими духами, вкусы которых были наполовину дикарскими, наполовину благочестивыми.

К сочельнику все было готово: загорелись свечи, освещая с лучшей стороны украшения. На тарелках были разложены яблоки, апельсины, орехи.

Увидев все это, Анахарео решила устроить для бобров елку; взяла топор, стала на лыжи. А Серая Сова остался смотреть за куском оленины, шипевшим на печке, и за рождественским пудингом, купленным в лавке.

Легкий ветер колебал сосновые ветки, и они сначала еле слышно гудели, но ветер, наверное, усиливался, – звуки нарастали низкими волнами, поднимались до высокой дрожащей ноты и замирали. Слушая эти звуки, Серая Сова поднял окно и увидел Анахарео: она тоже слушала восторженно эти чудесные звуки сосен и говорила, что это, пожалуй, не хуже рождественских колоколов. Чудесное дерево принесла Анахарео. Его воткнули в трещину пола, к вершине прикрепили горящую свечу, на ветках привесили все так, чтобы можно было добраться бобрам: конфеты, кусочки яблок и разные вкусные вещи со стола.

Бобры довольно равнодушно смотрели на все эти приготовления, но запах дерева их привлек к себе; они вгляделись, обнаружили висевшие лакомства, начали немедленно обрывать веревочки, спускать лакомства на пол и смаковать. Сами хозяева тоже сидели за столом, тоже ели и наблюдали своих маленьких приемшей. Бобрята быстро истребили все висевшее на дереве; пришлось им подбавлять, привешивать повыше, и вот началась такая забава, что сами хозяева забыли о своей собственной еде. Маленькие существа становились на задние ноги, хватали, срывали подарки, воровали лучшие куски друг у друга, толкались в спешке с такой силой, что какой-нибудь падал и комично спешил подняться, опасаясь, что другой в это время все съест. Болтали, кричали, визжали от возбуждения. Новые и новые лакомства подвешивали добрые хозяева, показывали бобрам, говорили:

– Глядите, что еще мы нашли!

Зверюги начали уносить еду про запас, то шествуя на задних ногах с подарком в руках, то на четвереньках – с добычей в зубах. Когда же все было съедено, растащено и больше уже ничего не добавлялось, то мудрая и бережливая Мак-Джинти опрокинула дерево и поволокла его, как бы желая упрятать подальше самый источник снабжения до будущего урожая. Но тут уже началась такая потеха, такое веселье охватило людей, что похоже было, будто в благодарность за рождество бобры стали сами по-своему для людей устраивать свое, бобровое рождество. И они как будто в самом деле были счастливы, что забавляют людей. И Анахарео счастлива была, что бобры счастливы, и Серая Сова радовался, что все были счастливы.

Наевшись до самого горла, утомленные кутилы удалились за перегородку и завалились спать с полными желудками среди собранных рождественских даров. После их ухода воцарился покой и молчание; раскрашенный воин стал особенно серьезно глядеть из-под своего оперенного головного убора. Пришлось удовлетворить его немую просьбу – выпить, и Серая Сова достал заветную бутылку красного вина. Начались тосты за этих спящих бобров, и за бобров на той стороне озера, и за величавого индейца в перьях, и за доброго француза, снабдившего таким отличным вином. Вылив последний тост за здоровье друг друга, новоселы установили, что во всем Квебеке не было никогда такого веселого рождества, и если уж не во всем Квебеке, то, во всяком случае, на этом озере.

«СЧАСТЬЕ»

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Какому разумному человеку придет в голову связывать свою судьбу с каким-то рассказом, написанным в лесу и отправленным в Лондон? Кто, послав такой рассказ, пойдет через какой-нибудь месяц в город получать за него деньги по чеку?

Но Серая Сова пошел, прихватив с собой для верности и свою подругу Анахарео. И надо же было так случиться когда они спросили на почте о чеке – чек был тут.

В отдельном конверте любезно был прислан экземпляр журнала, в котором был напечатан очерк Серой Совы, сокращенный приблизительно до одной четверти оригинала, иллюстрированный пятью из пятидесяти присланных им фото.

Анахарео и Серая Сова, когда открыли указанную страницу в этом царственного вида журнале, вдруг увидели и узнали слова, фразы, возникшие в столь жалкой обстановке; тут было даже изображение хижины, сделанной собственными руками, бобровой плотины, самих Мак-Джинниса и Мак-Джинти.

Чудеса! Может ли быть?

Анахарео бросилась отнимать журнал у Серой Совы. Отняла и впиалась: все, действительно, как у них, и все-таки странно.

– Возможно ли?

И он, в свою очередь, тоже вступает в борьбу с Анахарео, отнимает журнал.

Так несколько раз журнал переходит из рук в руки, пока, наконец, Серая Сова не уступает его в полное владение Анахарео, а сам принимается с необычным волнением разглядывать ярко-розовый кусок бумаги, представляющий собой деньги, которыми можно уплатить почти что весь долг, взятый под пушнину в районе Тулэйди.

Но мало чека! Редактор прислал ему лично самое любезное письмо, в котором просил писать еще и еще в этом роде. Случилось – чувствовал всей душой Серая Сова – нечто для него великое и, если хотите, даже торжественное, но без всяких ненужных для истинного торжества церемоний и суеты. Во мраке он сделал свой первый шаг, но шаг был сделан верно.

«Как же так может быть? – думал он. – Ведь никакого же плана не было в этом писательстве, и если взять труд, которым добывается в лесах пушнина, то тут вовсе не было даже этого труда; было пустяковое, праздное и приятное времяпрепровождение в тяжелые часы уныния. Как же из этих пустяков могла встать для него, загореться ослепительно заря новой жизни?»

Прежде чем написать согласие на сделанное предложение, Серая Сова с легким головокружением вышел из маленькой гостиницы, купил для себя толстое желтое «вечное перо», немного чернил, много бумаги и для Анахарео новый «кодак». [12] Добрый лавочник, на которого лесные жители привыкли уже смотреть, как на небесного покровителя, услышав приятные новости, потрепал Серую Сову по плечу, сердечно, во французском духе, поздравил и сказал, что, конечно, он всегда был уверен в чем-то подобном. Но, по правде говоря, он мог бы с той же самой уверенностью рассчитывать, что Серая Сова будет на египетском троне.

«ЗАКОН КЛЫКА И КОГТЯ»

Обратное путешествие в шестьдесят километров Серая Сова и Анахарео совершили весело по лесу, сверкавшему снежным покровом, не соблюдая ради привалившего счастья суровый закон молчания на лесном пути. Шли даже и не гуськом, как всегда, а рядом и все время разговаривали и строили планы о приручении тех бобров Березового озера, которые так счастливо спаслись, когда уже были на них расставлены капканы. Для своих бобров можно тут же выстроить что-нибудь вроде бобрового домика. Они – и ондатры, и белки, и молоденький олененок – должны тоже улучшать свое положение, по мере того как оно будет улучшаться у людей. Хорошо бы вот еще найти где-нибудь лося. Хорошо бы расширить хижину, сделать пристройки, населить их рогатыми, пушными, пернатыми друзьями. Серая Сова будет о них писать, Анахарео – снабжать иллюстрациями при помощи нового «кодака». Раз уже есть теперь свои ручные бобры, есть на озере бобры дикие и разные прирученные животные и – самое счастливое – написан очерк и получены деньги, то почему и не могло совершиться и дальше так именно, как вот теперь хочется? Здесь ведь вовсе нет трапперов, которые могли бы вторгнуться и помешать осуществлению

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
плана устройства Бобрового Народа. Ручные бобры и дикие смешаются, размножатся, заполнят пруд, распространятся и населят вокруг него пустые ручьи, и «Дом Мак-Джинниса», как уже и теперь зовут лесорубы лагерь Серой Сова, станет центром бобровой культуры и со временем даже станет знаменитым местом.

Так вот как расширяется душа у людей, когда им повезет, и вот так бы нам всем всеми средствами помогать такому расширению души у людей: сколько бы они в таком состоянии наделали всего хорошего!

Хотя прошло вот уже пять ночей, как лесные жители оставили свою хижину, но беспокоиться им было не о чем: морозы были самые легкие и повредить бобрам не могли. В свою очередь, и бобры ничего не могли для своих хозяев наделать дурного, ножки стола, койки, умывальника теперь были защищены запасными печными трубами, вещи были сложены на эти бронированные укрепления и на полки.

Не было никаких дурных предчувствий. Но в нескольких милях от лагеря новоселы заметили странный лыжный след, идущий прямо по их пути. Отпечатки следов, сделанных в мартовскую оттепель и теперь замерзших, было бы легко разобрать и, может быть, о чем-нибудь догадаться, но уже темнело, когда был замечен этот след, и понять что-нибудь было невозможно.

В этом пустынном жителстве люди, конечно, всегда настороже, и им, как и Робинзону, именно след человека больше всего и вселяет в душу тревогу. Стали делать всякие предположения и в то же время, конечно, помчались вперед на лыжах как можно скорей.

Первое, что пришло в голову, что это кто-нибудь из лесорубов приходил посмотреть на бобров, но это предположение сразу же отпало: след шел не с той стороны. И этот человек не расставлял широко лыжи, как делают белые, а держал лыжи одну к одной, как индейцы. Вот показалась и хижина, и в ней был свет! И когда, наконец, хозяева с таким волнением открыли дверь своего дома, перед ними с широчайшей улыбкой, с протянутыми вперед руками стоял Давид Белый Камень! Старик-алгонкинец достиг своего и добрался до своих желанных друзей.

Какое же это было чудесное свидание! Серая Сова не помнил дня в своей жизни, когда бы он был так рад человеку. Оказалось, тот знаменитый дробовик, с таким кучным боем, из которого можно было в толпе на выбор, как пулей, подстрелить любого человека, все еще был цел. Давиду посчастливилось хорошо подработать с охотничьей экскурсией на лосей. Он занимался трапперством всю зиму в Нью-Брунсвике, и, найдя там партию бобров, хорошо выручил.

Сели ужинать, и после того, как за ужином переговорили обо всем и разговор на время замер, Серая Сова и Анахарео стали звать Мак-Джинти и Мак-Джинниса, которые по какой-то причине не показывались. Какие-то неясные звуки слышались из-за перегородки; несомненно, они были тут, но почему же они все-таки не показывались?

Почему? Давид посмотрел на Анахарео и хитро подмигнул обоими глазами, как сова.

– Понимаю, – сказал он, оскалив зубы, – они там работают, но и я тоже у вас тут не бездельничал! Вот вам подарок.

И, дойдя до перегородки, вытащил одного за другим двух взрослых бобров, еще мокрых и мертвых.

Анахарео уронила ложку, которую она вытирала, и та с легким стуком упала на пол. Серая Сова вынул трубку. Тихий треск спички показался взрывом, – такая вдруг в комнате наступила тишина.

Потом Анахарео подняла ложку и приступила к тарелкам. За промежуток времени, показавшийся таким длинным, Серая Сова вспомнил, что человек этот ведь был же другом.

– Спасибо, Дэйв, – ответил он.

И хотел еще что-то сказать, но вдруг пересохло в горле. А когда оправился, то спросил:

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– А где же остальные?

– Там стоят еще капканы, – ответил Давид.

Серая Сова зажег фонарь и сказал:

– Пойдем же, друг, посмотрим на них.

Давид, конечно, что-то почуял неладное и, когда вышли, спросил:

– В чем дело, Арчи? Кажется, я сделал что-то нехорошо. Скажи мне, в чем дело?

– Почему? – ответил Серая Сова. – Успокойся, пожалуйста, вовсе же нет ничего такого.

И поднял фонарь, чтобы видеть его лицо и в то же время скрыть свое лицо от него.

– Нам всю зиму, – сказал он спокойно, – как-то не везло ну вот и все, а так решительно нет ничего. Не беспокойся, пожалуйста.

Около бобровой хатки они вытащили пять капканов оба бобренка поймались Давид был один из самых лучших охотников.

– Ну, теперь мы их всех выловили, – сказал он нерешительно.

И затем прибавил:

– Это все, что здесь было.

– Да, – согласился Серая Сова, – это все, что здесь было.

И посмотрел вниз, на двух маленьких бобрят, безжизненно лежавших на льду, под звездами. Возле них был домик, теперь пустой и холодный. Но делать было нечего, старый закон клыка и когтя, очевидно, был сильнее всего, а все, что строилось мечтой, рассыпалось в прах.

«ПОСЛЕДНИЙ КРИК»

На другой день в глубокой печали Серая Сова снял шкуры с бобров и отдал их Давиду. Останки же – четыре туши – отнес он к озеру и засунул под лед возле хатки. Быть может, он тут про себя, по старой привычке, прошептал и одну языческую молитву.

Начало таять, и когда Давид предложил всем вместе отправиться разбить лагерь на озерах Тулэйди, то с этим все согласились: переселиться. Теперь не было никакого смысла оставаться здесь: таких друзей, как сойки, ондатры, молодой олененок и белки, можно было найти везде. И они как жили без человека, так и будут продолжать свою жизнь без всякого для себя ущерба. Итак, старик сделал салазки, и однажды на рассвете в них погружено было все имущество, бочонок с бобрами и знаменитая печка.

Все было готово Анахарео спустилась на берег к домику из грязи, покормила там ондатру в последний раз. В это время на руки к Серой Сова садились сойки, по ногам взбегали белки и брали от него его последние дары. Потом попрощались с воином в перьях, с домиком Мак-Джинниса, с задумчивыми соснами, его окружающими, поглядели тоже в сторону того, другого, теперь пустого домика.

Давид теперь ясно разглядел печаль на лицах своих друзей и даже высказал во время пути, что он догадывается случилось что-то неладное. Потом он замолк и больше никогда не заводил об этом речь. Только сделал для чего-то пометку на кедре, нарисовал знак Утки, своего животного-покровителя, в зарубку сунул кусочек прессованного жевательного табаку и произнес слова, другим непонятные.

Бочонок с бобрами находился на самом верху воза, и когда проходили берегом незамерзшего ручья, то Мак-Джиннис не упустил случая и совершил полет сверху из бочонка в ручей. Поиски бобренка несколько рассеяли печаль путешественников, и отряд двинулся с холма на холм по тяжелой дороге, в голубую даль Тулэйди.

Это был очень утомительный путь, и отряд четыре дня еле тащился. Двигались

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru больше ночью, когда подмерзло, и наст держал лыжи. Несколько раз тобогган с бочонком наверху опрокидывался и пассажиры вываливались в снег. Не очень-то им нравились такие сотрясения, – они спешили опять залезть в бочонок и ссорились за первенство, когда залезали. Двигаться так двигаться! Если же почему-нибудь происходила остановка, то крышка с окошка немедленно сбрасывалась, и две коричневые мордочки с маленькими черными глазками недовольно выглядывали. Если их немая просьба не достигала цели и сани не приходили в движение, то они беспокоились и начинали жаловаться Серая Сова был сам точно такой – двигаться так двигаться! – и потому бобров хорошо понимал. Но у Давида была другая точка зрения ему казалось, что бесплатные пассажиры на казенных харчах могли бы немного и потерпеть и помолчать. Все эти неприятности, однако, совсем прекратились, когда путешественники добрались до дороги, – тут их подобрали повозки «Компании». В этой стране редкая подвода проходит мимо путника, не предлагая ему присесть. Но мало того! Один служащий «Компании», узнав о том, что охотники предполагают жить в палатках, предложил им маленькую уютную хижину на берегу Тулэиди. Этот лагерь, известный под кличкой «Половинка» (половина пути), и был отдан охотникам до тех самых пор, когда им вздумается двинуться дальше.

Бобрам тут дали полную волю, и они по ночам принялись изучать местные воды, а днем спали в лагере, который находился теперь всего лишь в пяти милях от Кобано. Жить тут стало куда веселей, потому что тут было много посетителей, и было бы даже и совсем хорошо, если бы не эта трагедия на Березовом озере. Спустя некоторое время, однако, энергия опять вернулась к Серой Сова, и с новой силой охватила его мысль об охране Бобрового Народа. Он даже написал второй очерк, но только сомневался в его пригодности для журнала ему казалось, что его новое «вечное перо» писало несколько меланхолично.

Тем временем пришлось усилить охрану бобров, потому что этот район был заселен и довольно густо, и много тут было всяких бродяг, сплавщиков. Все они во время посещений были приятным обществом, но Давид, свободно говоривший и по-французски, однажды подслушал обрывки разговора о бобрах такого характера, что охрану пришлось еще больше усилить. Все трое по очереди ходили дозором по окрестности, не спуская со слуха бобров. Обязанности следить, однако, не были трудны бобры всегда где-нибудь шумели. Они были заняты сейчас тем, что строили себе маленький забавный бобровый домик недалеко от лагеря, там, где берег очистился от снега и открылась вода. Они подгрызали и валили маленькие тополя, ивы, их крики, драки, споры были далеко слышны в любое время. Перед самым рассветом они царапались в дверь, просились домой, потом лезли в постели хозяев и спали. Около полудня они просыпались и, не ожидая еды, спешили по своим великим строительным делам.

Вскоре сюда приехал один старик, уже много лет ловящий ондатр на этих озерах охота по праву тут ему принадлежала и от него зависела. Его появление было угрозой для жизни бобров, и, нечего делать, пришлось поскорей утекать Давид отправился в Кобано и, как знающий французский язык, хотел поискать там себе работу. А Серая Сова и Анахарео собрали бобров, посадили их в бочонок и, погрузив все в попутную повозку, перевезли на одно маленькое озеро возле дороги, еще ближе к городу. Под большими вязами здесь разбили лагерь, бобры же забавлялись в старой бобровой хатке и на плотине в конце маленького пруда. Для них, не говоря уже о старых стройках, здесь было много воды и еды, здесь они могли бы жить в очень хороших условиях, пока Серая Сова не выберет постоянное место для бобровой колонии.

Окончив работу по разбивке лагеря, Серая Сова и Анахарео пошли к озеру и позвали бобров. Услышав знакомый призывный сигнал, они бросились наперегонки и в величайшем возбуждении стали ластиться, прыгать, бормотать. Не оставалось никакого сомнения в том, что им хотелось каким-нибудь образом передать друзьям свое огромное удовольствие от находки бобрового «замка». Поев немного наспех конфет, они опять бросились туда, к своей новой собственности, бесконечно счастливые. Ведь уже почти год прошел, как они попали совсем маленькими существами под надзор людей. И теперь как было не оценить, что они, совсем взрослые и будучи на полной свободе, будучи возбуждены своей интересной деятельностью в новом месте, все-таки не забывали людей и при первом призыве спешили к ним, только чтобы выразить свое удовольствие старым друзьям.

Однажды вечером они пришли в лагерь, почесались, долго и громко о чем-то поговорили, потом вышли, побродили вокруг палатки, как в старину: ведь эта палатка была их домом полжизни. Они обнюхивали печку, участницу стольких

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru приключений, Мак-Джиннис обжег себе нос, Мак-Джинти, вытаскивая лепешки, опрокинула ящик для пищи. Лепешек они съели изрядное количество и вообще чувствовали себя совершенно как дома и превосходно. Особенно нежно они потом приласкались к своим хозяевам и напомнили им даже те далекие теперь уже дни на Березовом озере, и людям было приятно вспоминать о тех вечерах в старой палатке с горячей печкой и сидящими в ее свете маленькими друзьями.

Бобры даже поспали немного в палатке и вообще ни малейшего повода не дали думать о какой-нибудь перемене в их отношениях к людям. Отдохнув, они направились к своему озеру.

Люди, как всегда, проводили их до берега и в душе желали, чтобы они опять стали маленькими.

Серая Сова и Анахарео стояли на берегу и смотрели на следы на воде от двух бобров, плывущих по озеру к своему домику. Два следа расходились углами и мало-помалу скрывались в сумраке. И при свете звезд все были видны серебряные волны, поднятые бобрами, – как они катились к берегу и тут терялись. В ответ на зов людей последовал ответ на долгой звенящей ноте, потом был ответ на другой ноте. И оба голоса слились, смешались, как в хоре, и эхом отражались от холмов – тише, тише и вовсе замерли.

И этот долгий плачущий крик из мрака был последним криком, который слышали от них Серая Сова и Анахарео.

Сознание полной утраты любимых животных пришло, конечно, не сразу. В следующий вечер зеркальная поверхность пруда не покрылась рябью и на зов не последовал обычный пылкий ответ. Прошла вторая ночь, и третья, и еще четвертая, – с воды больше не доносился шум, веселая болтовня и знакомые коричневые тельца не скакали вверх из воды. Дождь смыл их следы, конфеты их лежали нетронутыми. В лагере «Половинка» их маленькие постройки разрушались, недоконченный домик был затоплен и скоро вовсе снесен. От них ничего, совсем ничего не останется.

Вслед за весенним разливом они непременно должны идти к устью ручья или, может быть, вернуться домой.

Прошли по ручью вверх до истока, проваливаясь в подрытом течением снегу, прошли таким же образом и вниз до устья, ковыляя по талому снегу на поломанных лыжах и все звали. Обегали весь окружающий район, обследовали шаг за шагом все берега Тулэйди, проверили каждый ручей. Действовали, пока не исчерпались все возможности. Прислушивались к каждому выстрелу, выслеживали, проверяли следы всех людей во всех направлениях. Все могло быть! Нашли убитого оленя, шкуру с которого потревоженные браконьеры не успели снять. Несмотря на время года, всюду были расставлены ловушки. Нет! Едва ли бобры могли добраться до устья. Как все прирученные животные, они не могли утратить свое доверие к человеку, и оттого этих любвеобильных зверушек каждый легко мог убить просто дубинкой.

Все кругом холодно говорили: одни, что бобры, конечно, убиты; другие, что они непременно живы и их надо искать. Ну и, конечно, искали с надеждой, искали и без надежды.

И, наконец, вблизи все было обыскано, оставалось только расширить район при помощи каноэ. Но каноэ находилось отсюда в сорока милях. Что же делать? Искать так искать! Пошли, и оттуда три дня плыли на каноэ обратно. Видели по пути место старого лагеря; там, на берегу реки, еще стояли шесты от палатки и рядом уцелел загон для бобров. Молча прошли мимо того места, где тогда бобры чуть-чуть не утонули вместе с печкой. Ночевали на берегу Темискауаты. И на следующий день возобновили свои поиски. И еще много дней ходили по окрестностям, почти не ели, спали беспокойно, бодрствовали в печали. Часто, когда доходил какой-нибудь слух, совершали длинное путешествие только для осмотра какой-нибудь шкуры: у Мак-Джинниса был обожженный нос и седые волосы; Мак-Джинти была черна, как смоль. И каждый раз радовались только тому, что шкуры были не от их бобров. Расспрашивали всяких странников, некоторых выслеживали, одного или двух даже и обыскивали. Мрачными и молчаливыми стали поиски. Ходили всегда вооруженные и нажили себе много врагов. Оживали, когда попадали хоть на какой-нибудь лыжный след, но скоро, проверив, опять приходили в уныние. В утомлении, в полуснах являлись полувидения, полупредчувствия, и это нереальное часто толкало к новым поискам. При таком исследовании мало что укрылось, – нашлись даже бобры, о

Путешествие в страну непуганых птиц и зверей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
существовании которых никто не подозревал.

Анахарео похудела, побледнела, у нее впали щеки, глаза приобрели напряженное выражение, как от голода. Однажды она сказала:

– Хотела бы я знать теперь, в чем же мы виноваты?

В другой раз:

– Пусть бы с нами случилось все что угодно, только не это.

И еще:

– Мы думали, что они будут всегда у нас.

И далее:

– Они любили нас.

Серая Сова и Анахарео все надеялись долго и после того, как потерялась всякая надежда. По ночам сидели во мраке около несчастного лагеря под вязами, ожидая, наблюдая, прислушиваясь, – не донесется ли столь памятный крик приветствия или топанье неуклюжих, с тредом идущих ног. И все ждали и ждали существ, которых нет, которые не могут прийти. И ничего не было видно, кроме кольца обступающих деревьев, и ничего не было слышно, кроме журчания ручья. Мало-помалу деревья оделись, даже на старом бобровом доме выросла трава. Пруд высох и превратился в болото, и остался только ручей, медленно бегущий по его дну.

И, наконец, все кончилось, иссякли все родники надежды. Ничего не осталось от бобров, кроме пустого бочонка на берегу озера, и он тоже мало-помалу рассыпался на части и превратился в груды досок и ржавых обручей.

Приложения

1

Анималист – писатель или художник, изображающий животных.

2

Густав Эмар (1818–1883) – французский писатель, автор приключенческих романов.

3

Пржевальский Н. М. (1839–1888) – знаменитый русский путешественник.

4

Оттава – столица Канады.

5

Мокасины – обувь из оленьей шкуры.

6

Траппер – охотник на пушного зверя в Северной Америке, пользующийся чаще всего западнями.

7

Спрингпуль – вид капкана.

8

Бобры! (франц.)

9

Семьдесят пять! (франц.)

10

Ну, конечно, сударь. Что еще? (франц.)

11

Сизиф – легендарный древнегреческий царь, осужденный богами вечно вкатывать на гору камень, который достигнув вершины, скатывался снова вниз. Сизифов труд – изнурительная и бесполезная работа.

12 «Кодак» – маленький ручной фотоаппарат.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!